

Космёр
5
МАЙ
1966

ПОЧТА
Кости тёркина

ДЕТСКИЙ САД
УГОЛЁК

БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ

ДОМ
ТВОРЧЕСТВА
ПИСАТЕЛЕЙ

УГОЛОК
весёлого архиварюса

ИСТОРИ-
ЧЕСКИЙ
АРХИВ

КЛУБ
ЖАКА
ПАГАНЕЛЯ

СПРИНТ

ЖАКУ
ПАГАНЕЛЯ

ИЗБУШКА
НА КУРЬИХ
НОЖКАХ

Театр
ПЮ ИС
орванцов

КОБЕД
В
ЛАРМАНЕ

Костёр
5
МАЙ
1966

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Это страница „Костра“ № 5 за 1958 год. Присмотритесь к девочке, которая на снимке — вторая справа. Ее зовут Таня Захарова.

А теперь

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ:

**ТАНЯ ЗАХАРОВА,
СТАРШАЯ ПИОНЕРВОЖАТАЯ
199-й ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ,
ДЕЛЕГАТКА
XV СЪЕЗДА
КОМСОМОЛА**

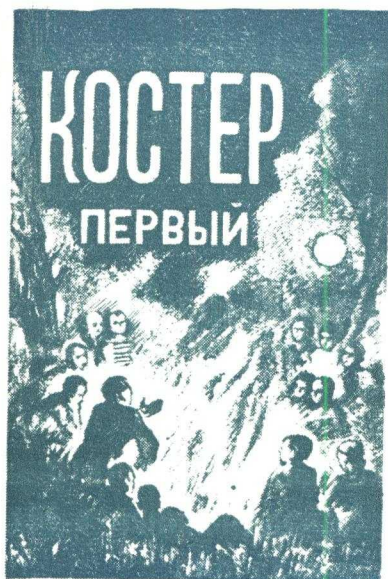

Увлекательна моя работа или нет — я об этом даже как-то не задумывалась. Я была сначала председателем совета отряда, потом — дружины, потом — окончила класс старших вожатых, и вот — я здесь, в 199-й, уже второй год. Пришла сюда сразу после школы, почти что с выпускного вечера. Когда меня знакомили с преподавателями, даже немножко растерялась, — ведь только что была ученицей!

Я теперь часто думаю — что я скажу, если на съезде комсомола мне предоставят слово? Я скажу, наверное: больше романтики в пионерской работе! Это очень нужно! Ведь недаром же наши ребята придумали назвать свою дружину «эскадрой», а отряды — именами знаменитых кораблей: «Аврора», «Стерегущий». И ввели веселый и строгий «морской» устав.

Интересных дел и затей в нашей дружине довольно много. В декабре, к примеру, устроили эстафету искусств — был там конкурс на лучшую самоделку, на лучший зимний букет. И так это понравилось, что до сих пор вспоминают. В 5 «б» сами организовали «Диспут о юном ленинце», очень интересный. Ну, конечно, председатели отрядов — у нас они называются «командирами» — сначала приходят ко мне, и мы вместе все обсуждаем.

У нас сейчас соревнование перед съездом. Командиры сообщают мне об успеваемости за день. А потом мы передаем сводки по радио. Конечно, всегда надо хорошо учиться, ну, а в такие дни — особенно.

Первый сборник «Костер» иллюстрировали лучшие художники Ленинграда

Обложку нарисовал художник Н. ТЫРСА. А теперь давайте перелистаем сборник и поглядим рисунки.

В. КУРДОВ иллюстрировал рассказ Л. Пантелеева «Пакет». Лихой наездник Трофимов скачет на коне по кличке Негр.

Красноармейцев, играющих в шахматы, рисовал художник В. ЛЕБЕДЕВ. Это картинка к рассказу Ф. Семина «Комэск Горбунов».

КАК ЗАЖИГАЛСЯ „КОСТЕР“

Л. Пантелеев

Почему «Костер»? Кому и когда пришла в голову мысль назвать журнал этим именем?

О журнале сначала и речи не было. Задумали выпускать альманах для среднего и старшего возраста. Созвали в редакции совещание. Кроме С. Я. Маршака, пришли М. М. Зощенко, Г. Г. Белых, Т. Г. Габбе, А. И. Любарская, Е. Л. Шварц, В. К. Кетлинская, З. М. Задунайская, В. М. Левин, Ю. Н. Либенский... Из всех, кто там был, я был самый молодой. Мне сказали:

— Будь секретарем. Веди протокол.

Этот протокол у меня сохранился.

Начали с того, что стали придумывать название.

— «Барабан»!

— Был уже.

— «Советские ребята»!

— Скучно.

— «Змей Горыныч»!

— Страшно.

— «Пионер»!

— Что вы! Разве не знаете! Уже имеется. В Москве выходит.

— «Красный галстук»!

— «Красная заря»!

— «Красный мак»!

— Ужасно остроумно. Может быть, «Красная смородина»?

— «Звездочка»!

— «Дружба»!

— «Детский мир»!

— Есть уже такой.

— Журнал?

— Нет, магазин на Садовой.

Кто-то предложил название «Товарищ».

Многим понравилось:

— А что ж! Неплохо: альманах — «Товарищ»!

Но тут выступил Самуил Яковлевич Маршак и сказал:

— Нет, товарищи. Это название тоже никуда не годится. Слово «товарищ» у нас изменило свое прежнее значение. Назвать альманах или журнал «Товарищем» — все равно как если бы в прежнее время называли журнал «Господин».

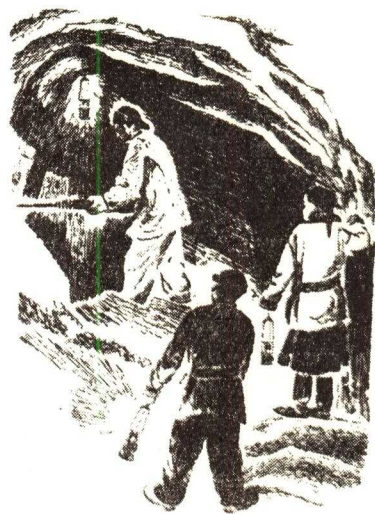
Так на этот раз и не придумали. Отложили. Стали думать о другом: как строить альманах? Михаил Михайлович Зощенко предложил делать альманах так, чтобы все рассказы были на одну тему. Например, первый альманах

О тяжелом труде водолазов рассказывал в сборнике К. Золотовский. Рисовал водолаза художник А. САМОХВАЛОВ.

Сцену ареста юного питерского революционера Васи Алексева из рассказа Р. Васильевой изобразил Г. ШЕВЯКОВ.

Шахтеров из очерка О. Берггольца «Свинцовый поход» о героях Первой пятилетки нарисовал художник С. МОЧАЛОВ.

пусть будет на тему о героях. Пусть каждый расскажет о самом замечательном поступке в жизни того, о ком он пишет.

Всем это понравилось. И все обещали подумать и написать рассказ о героическом поступке.

— А Пантелееву, как самому молодому, мы дадим и еще одно задание, — сказал Маршак. — Попросим его, кроме рассказа, придумать какое-нибудь интересное вступление, чтобы все рассказы объединились в одно целое.

Я стал отнекиваться: как же я буду объединять рассказы, которые еще не написаны?! Я ведь даже и о своем рассказе и то еще ничего не знаю.

Но мне сказали:

— А ты подумай.

И вот я стал думать. И придумал такую завязку.

Начиналось так. Будто дело происходит в Крыму, в пионерском лагере.

Поздно вечером ребята сидят у костра и говорят «о страшном».

Один мальчик говорит, что он видел тигра. Ему не верят. Он говорит:

— Честное слово!

Его стали просить: — Расскажи.

— Ну, это было давно. Лет пять назад. Мой папа был знаменитый охотник. Он даже приз получил за охоту. У него было восемь винтовок.

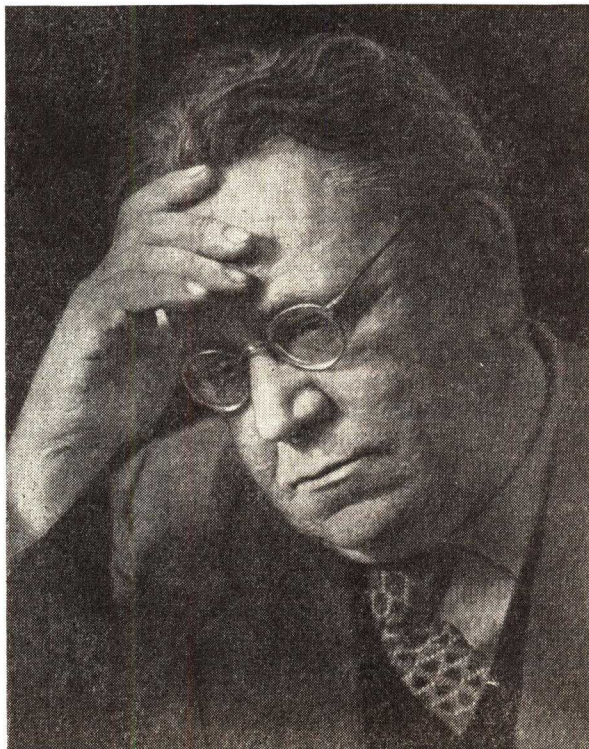
— Ну, дальше! Дальше!

— Вот раз мой папа поехал на охоту. А мы с мамой остались в городе. И один раз в субботу мама говорит: «Если завтра будет хорошая погода...»

В это время за спиной у ребят что-то хрустнуло.

— Ой! — закричала какая-то девочка. — Тигр!

Но из кустов вышел не тигр, а вышел старичок в белой толстовке и в

С. Маршак

белой девчоночьей панамке. И бородка у него тоже была совсем белая.

Старичок поздоровался и спросил, не знают ли ребята, как пройти в санаторий Кизыл-Су. Он заблудился и потерял дорогу.

— А мы думали, что вы — тигр, — сказала одна девочка.

— Представьте себе, — сказал старичок, — ведь вы были очень недалеко от истины.

— А вы, что, — Лев, что ли?

— Нет, я не лев и не тигр, а я — специалист по хищным животным.

Оказалось, что человек этот — ученый-зоолог, знаменитый путешественник. Ребята стали просить его рассказать что-нибудь интересное. Говорит, нет, сейчас не могу, уже поздно, а вот завтра, если будет хорошая погода, приду и расскажу.

На другой вечер он приходит — и не один, а приводит с собой еще несколько человек отдыхающих из санатория. Все они бывалые люди. У всех замечательные биографии. Среди них очень скромный и застенчивый человек — Петр Васильевич Трофимов, бывший кавалерист, буденновец, участник гражданской войны.

Ребята усаживают гостей у костра и просят, чтобы каждый из них вспомнил и рассказал о каком-нибудь героическом случае...

И вот тут, на этом месте, я споткнулся. Я забыл своего старичка-путешественника и всех его спутников и стал придумывать рассказ буденновца Трофимова.

«Нет, дорогие товарищи, героического момента в моей жизни я не припомню. Жизнь моя довольно обыкновенная, серая...»

Такими словами я начал этот рассказ.

Через несколько дней Маршак созвал еще одно совещание редакционной коллегии. На этом совещании я докладывал своим товарищам, как я представляю себе вступительный рассказ, который должен объединить все остальные... Только я начал говорить о пионерском костре и о старичке-путешественнике, как вдруг

С. Я. Маршак вскакивает, ударяет ладонью по столу и кричит:

— Ура! Замечательно! Название есть!

— Какое?

— «Костер»!!!

Так появился на свет альманах «Костер первый».

Для этого альманаха рассказы написали все, кто обещал. Свой рассказ я назвал «Пакет». Сочинял я этот «Пакет» так долго, что потом у меня уже не хватило времени заниматься чужими рассказами и объединять их в одно целое. Получился просто сборник, а не «Тысяча и одна ночь», как мы задумывали.

За «Костром первым» вышел «Костер второй». А потом наш альманах превратился в журнал, славный юбилей которого мы с вами сегодня отмечаем.

А старичка-зоолога мне, сказать по правде, жалко. Человек дожил до седых волос, а на свет так и не появился. Тридцать пять лет пролежал он, бедняга, в ящике стола вместе с другими отрывками и наметками этого недописанного рассказа. На одном из этих ветхих пожелтевших листочков я только что с трудом разобрал черновой набросок заключительной сценки.

Это уже опять о мальчике, который видел тигра.

«— Ну, рассказывай! — говорят ему ребята.

— Что рассказывать?

— Тигра ты видел?

— Ну, видел. Ну и что?

— Расскажи!..

— Ну, я же сказал вам, папа мой был знаменитый охотник. Один раз он уехал на охоту. А мама говорит: «Если завтра будет хорошая погода, мы пойдем в зоопарк...»

— Ну?

— Ну, вот. Погода была на другой день очень хорошая.

— Ну?

— Ну, сели мы на трамвай и поехали.

— Ну?

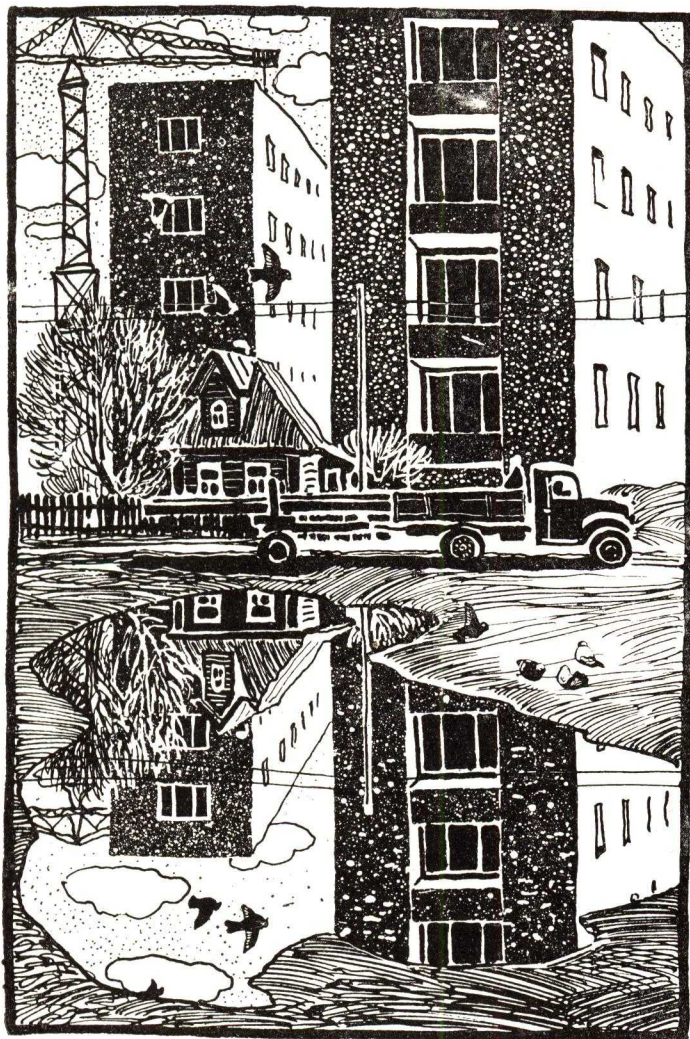
— Ну и доехали до

зоопарка. И я видел там тигра...»

На этом рукопись обрывается. Может быть, и хорошо, что обрывается. Может быть, вообще хорошо, что я ее тогда не дописал?!

Л. Пантелеев

Почта КОсти ТЕРкина

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Скакал на длинной ножке
Веселый, озорной,
Луч солнца по дорожке
Нынешней весной.

Много луж на улице,
С осени здесь не был...
Заглянул он в лужицу
И увидел—небо!

Плыли в луже облака,
Ветер чистил им бока.
Песни пели птички,
Клювики, как спички.

Было в луже все вверх дном —
Старый дом и новый дом,
Телеграфные столбы,
И березы, и дубы.

Птицы вниз спиной летели,
В небо синее глядели.
Все весна перевернула,
Будто в лужу окунула!

Катя Кондратьева
Село Дракино
Воронежской области

КТО ЗАЧЕРКНУЛ ПРИМЕРЫ?

Дорогая редакция, меня зовут Женя. Я учусь в седьмом классе. Я очень люблю первоклассников и часто с ними играю. Они рассказали мне несколько случаев из жизни своего класса. Один из них я решил описать и послать вам.

Прозвенел звонок. Ученики приготовили к следующему уроку тетради и учебники и вышли на переменку.

Когда начался следующий урок, Вова Иванов поднял руку и сказал:

— Валентина Ивановна, у меня кто-то примеры зачеркнул!

— И у меня!

— И у меня!...

— Ребята, кто это сделал? — строго спросила учительница. Все молчали.

— Я спрашиваю, кто зачеркнул примеры? — повторила учительница. Ни звука.

— Ученик, зачеркнувший примеры, плохой октя-

бренек, плохой товарищ. Вдобавок он еще и трус. У него не хватает смелости признаться...

И опять все промолчали.

— Ну хорошо, — сказала Валентина Ивановна, — об этом поговорим в другое время, а сейчас будем заниматься делом.

В конце урока Валентина Ивановна предложила сделать физкультминутку.

— Сейчас я закрою глаза, — сказала она, — а вы встаньте, только так тихо, чтобы я не услышала шороха... Ну, все встали?

— Все! — хором ответили ребята.

— А тот, кто примеры зачеркнул, тоже встал? — спросила Валентина Ивановна, быстро открывая глаза.

— Встал! — машинально закричал Саша Лобанов. Все засмеялись, а Саша заплакал и тихо сказал:

— Простите, я больше не буду...

Женя Богданов
Орловская область, пос. Змиевка

ВАЛЕРКА-ЗАДИРАКА

В нашем классе есть ученик Омельяненко Валерий. Учится он плохо, на два да три, но драться любит.

Один раз нам делали уколы против брюшного тифа. Мы пришли в кабинет медсестры. Валерка был первый на уколы. Медсестра взяла шприц, а он увидел шприц и заревел, как лев. Мы рассмеялись.

После этого Валерка перестал драться и больше не боялся уколов.

Юра Прилуцкий
г. Запорожье

СЛУЧАЙ С ОТЛИЧНИКОМ

Басня

Галчонок тройку получил
Однажды на уроке.
— Отличник тройку получил! —
Пошли трещать сороки.
Как будто вдруг лентяем стал
Он из-за этой тройки...
Сердилась мать, отец ворчал
И дед вздыхал на койке.
А дальше стали все кричать:
— Он скоро бросит школу!
Галчонок перестал гулять,
Он хмурый, невеселый.
В кино не ходит он теперь,
Ведь страшно показаться.
Пожалуй, выглянет за дверь —
Кругом начнут смеяться.
— Смотрите, троечник идет! —
О нем кричали птицы.
А он всегда учил урок,
А он любил учиться...
Другое дело воробей, —
Он двойки получает,
Но этих двоек, хоть убей,
Никто не замечает!

Таня Динзбург
Москва

ГАЛЯ

У нас жила ручная ворона, которую мы называли Галей. Ее принес еще птенцом дедушка нашего двоюродного брата Димы, и мы втроем ее выкормили.

Галя скоро привыкла к нам, садилась на плечи, на голову, а корм брала прямо из рук. Галя была равнодушна к бумаге — рвала на клочки все, что ей попадалось. Приходилось все книги, тетради и газеты прятать в стол или шкаф. Мама говорила, что таким образом Галя приучает нас к порядку.

Однажды Галя полетела за нами, когда мы пошли в овощной павильон. Там была небольшая очередь. Галя села на плечо одной женщины и в тот же миг выхватила у нее из рук бумажный рубль. Напрасно мы просили Галю вернуть деньги — она взлетела на ближайшее дерево и оттуда посыпались клочки от рубля.

Мы отдали женщине свой рубль и вернулись домой без купок.

Галя летала за нами повсюду. А когда мы ехали в трамвае, садилась на крышу трамвая.

Исчезла наша любимица совершенно неожиданно и неизвестно куда. Улетела как-то со двора и больше не вернулась. Вероятно, с ней случилось что-то недоброе.

Георгий и Сергей Мокрицкие
Житомир

ВЕЧЕР

Весла, как острые сабли,
В воду уходят, скользя,
Быстро плывет мой кораблик,
Нам ведь стоять нельзя!
Плещется рыжее солнце
В сонной притихшей воде,
В мелких небесных оконцах,
Как в, проливном дожде.
Тени бегут мне навстречу —
Длинные тени кустов.
Тихий задумчивый вечер
Плещется у бортов.

Таня Мельникова
Ленинград

Рисунки Т. Канустимой

КОНИ

РАССКАЗ

Р. Погодин

Рисунки

А. Сколозубова

Ранней весной, когда еще снег в лесу не сошел, когда еще немец не собирался отступать из деревни Малявино, а, наоборот, куражился и хвастал, будто шагу назад не сделает — только вперед, решили колхозные женщины пахать землю.

Дед Савельев назначил поле для пахоты. Широкий клин между холмов, возле озера.

— Эту землю пашите. Эта земля устойчивая. За всю мою жизнь этот клин никогда не давал промашки. В засуху здесь вода не иссыхает, здесь ключи бьют. В дожди с этой самой земли излишек воды стечет, потому что поле наклонное к озеру. И солнце его хорошо

греет благодаря наклону. И ветер его обходит, оно холмом загорожено.

Женщины снарядились пахать. Трое тянут, четвертая плуг ведет. А еще партия отдыхает. Пашут по очереди, чтобы не надорваться. Семена собрали по горстке, кто сколько сберег.

Уже вспахали больше половины, когда на бомбу наткнулись. Пошли к деду. Жалко им работы, жалко потраченной силы, а ничего не поделаешь, шевельнешь бомбу — и прорастут вместо хлеба сироты.

Дед долго сидел, глядел в окно на весну, которая, и не заметишь, обернется каленым летом.

— Нужно дальше пахать, — сказал дед. — С этого поля вы сыты будете. С другого не наверняка. Кабы полей много, как раньше, на одном посохнет, на другом уродится, на одном погниет, на другом выстоит. А здесь одно, да зато верное.

— Дед, бомба на нем. Ты, может, не понял или недослышал? — сказала ему женщина-председатель.

— С бомбой я слажу, — ответил дед. Пригнулся к окну, прислонил голову к переплету. — Кабы знать, куда ее стукнуть, тогда бы мне и совсем просто. На один миг делов.

Женщины смотрели на деда с испугом.

— Вы завтра утром в поле не приходите, — сказал он. — Сидите дома, дожидайтесь. В таком деле одному надо быть.

Женщины утром все же пришли в поле. Вернее, в овраг, по которому вдоль поля бежал ручей. Сенька тоже с ними пришел. Вернее, Сенька раньше пришел, ночью еще, вслед за дедом. Слышал Сенька, как ударял дед обухом топора по бомбе и она гудела. И обмирало Сенькино сердце по деду, и хрустела у него на зубах соленая, мокрая земля.

Дед копошился возле бомбы с лопатой — рубаша чистая, белые волосы расчесаны гребнем. Был у него выкопан вдоль бомбы окопчик — узкая щель. Сейчас дед копал ступеньки — в эту щель плавный сход. А когда выкопал, спустился туда и осторожно скатил бомбу себе на плечо.

Женщины в овраге замерли. Куда старому такую тяжесть, но, видать, имеется в человеке, хоть стар он и немощен, такая способность, которая помогает ему всю силу, оставшуюся для жизни, израсходовать в короткое время.

Дед полез по ступенькам вверх. Взойдет на одну ступеньку, поотдышится. Выше вздымается. Упирается рукой в край щели, чтобы вес бомбы давил не только на ноги ему. А когда выбрался из земли, направился по борозде к озеру. Мелко идет, некрепко.

Женщины из оврага поднялись. Их боязнь отступила перед медленным дедовым шагом, перед его согнутой спиной, которая сгибалась все ниже. Сенька пополз по оврагу за дедом вслед.

Шея у деда набухла. Колени подламывались.

До озера он дошел все-таки. Стал на краю обрыва. Бомбу свалил с плеча в воду и сам повалился. Бомба рванула. Крутой берег двинулся в озеро вместе с упавшим дедом.

Когда женщины подбежали, на месте обрыва образовалась песчаная пологая осыпь. Внизу, у самой воды, лежал дед, припорошен-

ный белым песком. Дед еще жил. Он был не раненый, только оглохший и неподвижный. Женщины подняли его, отнесли на руках в избу. Там он потихоньку в себя пришел.

В избе дед Савельев еще целый месяц жил. Ребятишки деревенские каждый день приходили к нему, играли возле него или просто сидели.

Фронт сквозь деревню прошел, опалил ее, но не сильно.

Сенька куриц и петуха пас, когда сказали ему, что старик помер. Сенька заплакал...

Четыре солдата — четыре обозных тылови-ка, пожилые и морщинистые, внесли дедов гроб на высокий холм. На этом месте был древний погост. Еще сохранились здесь кресты, источенные дождями, стужей и ветром. Здесь деда захоронили. Колхозные женщины придумали положить деда на этой возвышенности, чтобы видна была ему вся даль: и поля, и леса, и озера, и деревня Малявино, в которой дед проживал, и другие деревни, тоже не чужие ему, и белые от пыли дороги, исхоженные медленным дедовым шагом. Женщины, разумеется, знали, что умершему старику уже ничего не увидеть, и запахи трав его не коснутся, что ему нет разницы, в каком месте лежать, но хотели они сохранить живую молву о нем, потому и выбрали древний высокий холм ему как бы памятником.

Солдаты изготовились дать над могилой залп из четырех боевых винтовок.

— Не нужно над ним шуметь, — сказала женщина-председатель.

Солдаты ее не послушались, выстрелили в синий вечерний воздух из своего оружия. И еще выстрелили. И так стреляли три раза. Потом ушли. Женщины тоже ушли. Покинули холм ребятишки, одетые во что ни попало застиранное, перелатанное и не по росту.

Сенька ушел последним.

Солдаты — четыре обозных тыловика — укатали на рессорных телегах к фронту. Женщины заторопились свои дела делать. Ребятишки сели на теплом крыльце у избы, в которой дед проживал и в которой сейчас было пусто, по-пустому светло и гулко, и прибрано чисто.

Фронт уже далеко отошел от деревни. Лишь иногда, по ночам, избы начинали дрожать. Ветер заносил в открытые окна неровный накатистый звук, будто рушилось что-то, будто бились боками сухие бревна и ухали, падая на землю. Небо над фронтом занималось зарей среди ночи, но страшная та заря как бы тлела, не разгораясь, не обжигая кучных серебряных звезд.

Все боевые войска давно прошли сквозь деревню, и обозы прошли, и санитарная часть.

Дорога утихала. Она бы, пожалуй, совсем за-
узилась, так как местному населению ездить
по ней было не на чем да и некуда. Но время
от времени появлялись колонны машин, гру-
женные боевым припасом для фронта, и до-
рога опять пылила, опять жила.

Шагая по этой дороге, солдат искал для
себя ночлега. Шел он из госпиталя в свою ди-
визию, в стрелковую роту, где до ранения
состоял пулеметчиком. Крыльцо, усаженное
ребятишками, поманило его, повлекло. Поду-
мал солдат: «Вот, однако, изба веселая. Оста-
новлюсь тут, отдохну в житейской густой
суматохе». Солдат вспомнил свою семью, где
был он у матери седьмым, самым младшим
сыном.

— Привет, мелкота, — сказал он.

— Здравсте, — сказали ему ребятки.

Солдат заглянул в избу.

— Чисто живете. Разрешите и мне пожить
с вами до завтра. А где ваша мамка?

— Наши мамки в поле, — ответила ему
Верка, самая старшая. — Мы в этой избе не
живем. В ней дед Савельев жил, а теперь
помер.

Оглянулся солдат на ребятшек. Разгля-
дел их — тощие, большеглазые, очень при-
стальные и очень тихие.

— Вот оно как, однако... — сказал сол-
дат. — Чего же вы тут у пустой избы делаете?
Играете?

— Нет, — сказала девчонка Верка. — Мы
здесь просто сидим.

Девчонка Верка втихомолку заплакала и
отвернулась, чтобы другие не видели. Вспом-
нила Верка, как дед подозвал ее и велел:
«Уведи, Верка, детей. Я помирать стану. На-
роду скажи, чтобы не торопились ко мне идти,
чтобы повременили. Пускай завтра приходят».

Верка испугалась, заспорила: «Что ты, дед,
ты, наверное, спишь, такие слова плетешь».

Дед ей еще сказал: «Ты иди, Верка, уводи
детей. Мне сейчас одному нужно побыть. Сей-
час мое время дорогое. Мне нужно людям
обиды простить и самому попросить прощения
у них. Я сейчас буду сам с собой разговари-
вать... Сеньке скажи, чтобы сегодня пришел».

Верка не так словам поверила дедовым, как
его глазам, темным, смотрящим из глубины,
будто сквозь нее, Верку, будто она кисейная.
Верка подобрала губы, утерла нос и увела
ребятишек на лесную вырубку, посмотреть,
как цветет земляника.

— Вы ступайте в какую-нибудь другую из-
бу ночевать, — посоветовала Верка солдату. —
Сейчас в избах просторно. Когда фронт про-
ходил, в избах народ не помещался. На улице
спали. А сейчас в избах места пустого много.

Но солдату понравилась чистая комната,
привлекла тишина и широкая лавка вдоль
печки. «Что я, шуму не слышал и писку ребя-
чьего? — подумал солдат. — Зачем я буду ку-
сок отрывать от голодных ртов. А мне самому
поделиться нечем — полхлеба да полбанки
консервов на всю дорогу до фронта. А еще
идти вон сколько. Заночую в этой избе. Пе-
рина мне не понадобится, шинель постелю и
шинелью укроюсь».

— Я здесь заночую, — объяснил Верке сол-
дат. — Сразу спать лягу. А вы не шумите, мне
рано вставать, я в свою дивизию тороплюсь.

Верка кивнула, мол, ваше дело.

Солдат положил мешок в изголовье и за-
валился на ночлег. Помечтал немного о ме-
дицинской сестре Тамаре, с которой познако-
мился в госпитале, которой пообещал письма
отсылать каждый день, и заснул.

Во сне он почувствовал, будто его трясут
и в спину толкают.

— Что, в наступление? — спросил он, вско-
чив. Принялся шарить вокруг, отыскивая вин-
товку, и совсем проснулся. Увидел себя в
избе. Увидел окна с красной каймой от зака-
та. А перед собой разглядел мальчишку в
драном и не по росту ватнике.

— Ты что в сапогах завалился? — сказал
мальчишка солдату взрослым угрюмым голо-
сом. — На этой лавке дед помер, а ты даже
сапоги не скинул.

Солдат рассердился за прерванный сон, за
то, что его такой молокосос уму учит. Закри-
чал:

— Да ты кто такой? Как пальну тебе по
ушам!

— Не кричи. Я тоже кричать могу, — ска-
зал мальчишка. — Я здешний житель. Сенькой
зовут. Днем я на коне работал. Сейчас его
пасть погоню к озеру, на луговину. — Маль-
чишка подошел к двери. Лицо его просвет-
лело, он зачмокал тихо и ласково.

Солдат тоже увидел привязанного к крыль-
цу коня. Был тот конь то ли больной, то ли
совсем замороженный. Шкура на широкой кости
висела, как балахон. Голову конь положил
на перила, чтобы шея у него отдыхала.

— Вот так конь, — засмеялся солдат. — Та-
кого коня на одер да на мыло. Другой пользы
от него никакой.

Мальчишка гладил коня по морде, совал
ему в мягкие черные губы сбереженную ко-
рочку.

— Какой ни на есть — все конь. Жилы у
него в ногах застуженные. Я его выхожу, к
осени резвый будет. Нам его солдаты-обоз-
ники подарили. Они и деда схоронить помо-
гли. А ты, спать ляжешь, сапоги скинь. Нехо-

рошо. Дом еще после деда не остыл, а ты в сапогах завалился.

Солдат зубами заскрипел от досады. Плюнул.

— Подумаешь, дед! — закричал. — Помер, туда ему и дорога. Он свое пожил. Сейчас маршалы гибнут и генералы. Солдаты-герои пачками в землю ложатся. Война! А вы тут со своим дедом. — Солдат лег на лавку к печке лицом и долго еще ворчал и выкрикивал

— Эй! — крикнул он. — Эй ты, мужик на коне!

Никто ему не ответил. Мальчишка уже ушел пасти коня к озеру и, наверно, сидел сейчас под березой, растапливал костерок.

Неуютно стало солдату в пустой избе и чего-то совестно. Подумал солдат, что война войной, а у людей, кроме нее, и еще своего горя вдоволь. Взял солдат мешок, взял шинель. Вышел на улицу.

про свои раны и страшные минуты, которые он перетерпел на фронте. Потом солдат вспомнил свою мать. Была она уже в дряхлом возрасте. Еще до войны у нее было пять внуков от старших сынов.

— Бабка, — вздохнул солдат. — Однако всю эту ораву сейчас растит. Картошек варит не по одному чугуну. На такую гурьбу много еды нужно — сколько ртов. Ей бы отдохнуть, ноги в тепле погреть, да вот видишь, какое дело — война. — Солдат заворочался, сел на лавке.

Земля в этом месте полого спускалась к озеру. Наверху, в деревне, было еще красно от заката, внизу, в котловине, у озера, собралась, натекла со всех сторон темень-чернота. В темноте, как в ладонях, блестел огонек. Иногда он свивался клубком, иногда поднималась из его сердцевины струйка летучих искр. Мальчишка костер разжег и палкой в нем шевелил, а может быть, подбрасывал в огонь сухого елового лапника. Солдат отыскал тропку. Спустился к мальчишке на мокрый луг.

— Я к тебе ночевать пришел, — сказал он. — Не прогонишь? Мне одному что-то холодно стало.

— Ложись, — ответил ему мальчишка. — Сюда шинельку стели, здесь сухо. Тут я вчера землю костром прокалил.

Солдат постелил шинель, растянулся на мягкой земле.

— Отчего дед помер? — спросил он, когда помолчали они, сколько положено.

— От бомбы, — ответил Сенька.

Солдат приподнялся.

— Прямым попаданием или осколком?

— Все одно. Помер. Для тебя он чужой, а для нас дедка. Особенно для малых, для ребяташек.

Сенька сходил проведаль коня, подбросил в огонь хворосту и травы, чтобы комаров отгонять. Расстелил драный ватник возле солдатовой шинели и прилег на него.

— Спи, — сказал он. — Завтра спозаранок будить буду. Дел много. Я две картошины закопал под золу, утром съедим.

Солдат уже подремал в избе, перебил сон на время и теперь не мог сразу уснуть. Глядел в небо, в ясные звезды, чистые, словно вынутые из коловца.

Сенька тоже не спал. Думал про деда. Однажды он спросил у матери, сколько деду Савельеву лет?

Мать удивилась, такой вопрос ей и в голову не приходил.

— Не знаю, — сказала она. — Сколько я себя помню, дед всегда старым был.

Сенька смотрел на темный багрянец в небе, который будто стекал с холмов в озеро и остывал в его темной воде. Пришла ему в голову мысль, что дед и по сей день живет, только переселился на другое, более удобное для себя место, на высокий холм, откуда ему шире глядеть на свою землю.

Уснувший солдат бормотал во сне что-то ласковое. С озера поднялся туман. Зыбкие тени шатались над лугом, сбивались в плотный табун. Мнилось Сеньке, что вокруг него пасется много коней и гнедых, и буланых. И крепкие, статные кобылицы нежно ласкают своих жеребят.

— Дед, — сказал мальчишка уже во сне. — Дедка, у нас теперь кони есть...

Солдат шевельнулся от этих слов, положил на мальчишку свою тяжелую теплую руку.

А. Пахомов

СЕКРЕТ СТАРОЙ ОБЛОЖКИ

Закрой на минутку журнал и еще раз взгляни на обложку. На первый взгляд ничего особенного: пионер и пионерка читают журнал. А теперь присмотрись внимательно. Еще внимательнее... Видишь, на обложке журнала такие же точно ребята и они тоже читают журнал. А на его обложке — опять ребята, читающие журнал. И так — без конца!

Забавный рисунок, не правда ли! Эту хитроумную обложку тридцать лет тому назад нарисовал для первого номера „Костра“ замечательный художник Алексей Федорович Пахомов. Рисунок — игра. Но не только игра. В нем, если хотите, глубокий смысл. Художник как бы утверждает своим рисунком: всегда были и будут ребята, которые вот так, с любопытством и интересом, станут открывать все новые и новые книжки журнала...

И сегодня, когда „Костру“ исполнилось тридцать лет, мы решили одеть юбилейный номер в самую первую обложку и познакомить вас, нынешних читателей журнала, с ее автором. Впрочем, с Алексеем Федоровичем вы уже знакомы: он иллюстрировал многие любимые вами книжки, да и на страницах „Костра“ его рисунки появляются не редко. Поэтому тридцатилетие журнала и для Алексея Федоровича тоже праздник.

С праздником, Алексей Федорович! С праздником, все-все художники „Костра“!

Золотая республика. Потому что в земле ее золота хоть отбавляй.

Алмазная республика. Потому что в земле ее алмазов не меньше.

А земля как камень. Даже зубы экскаваторов ломаются о такую землю. Трудно строить, трудно доставать ископаемые, очень плохо растут фрукты и овощи.

Территория республики громадна. Какой-нибудь якутский район так же далек от Якутска, как, к примеру, далек от Москвы Кавказ или Средняя Азия. Вот какие просторы! Да еще навалит снегу чуть ли не до телеграфных проводов, представить себе трудно!

Недавно из поездки по этой республике — Якутской Автономной — вернулся писатель Виктор Голявкин.

Мы спросили Голявкина:

— А как там живут ребята? Это ведь так далеко, почти край света! Наверное, и дети там совсем особенные!

В ответ Виктор Владимирович Голявкин рассказал три коротких истории. И сам нарисовал к ним картинки.

ЯКУТСК

Зимой морозы. Приезжему человеку невероятным кажется, как на таком морозе строители работают. А строителям смешным кажется, как те бегут по улице, боясь отморозить свой нос.

К морозу еще прибавляются туманы. Мимо вас человек проходит, и вы его не замечаете. Тут уж «здравствуйте» не услышите, даже если очень хороший приятель мимо вас прошел!

Наверное, поэтому над входом в Якутский дом пионеров большими буквами написано:

— Здравствуйте!

В такой дом войти приятно. С удовольствием с каждым в отдельности поздороваться. Несмотря на то, что

там, может быть, пятьсот ребят собралось. Тем лучше.

Начинается разговор.

Один мальчишка меня спросил, видел ли я Гагарина. Когда я ответил, что видел Гагарина только по телевизору, этот мальчишка расстроился: «Эх вы, живете в Ленинграде, а Гагарина не видели...»

Нужно мне как-то было выходить из положения, я ему говорю: «А он не в Ленинграде живет, поэтому я его и не видел». Мальчишка говорит: «Гагарин ведь в Ленинград приезжал». — «А я в это время в Баку был», — говорю. Мальчишка печально говорит: «Тогда другое дело...» Но все-таки ребятам не очень понравилось, что я не видел Гагарина.

Даже кто-то сказал: «Да если бы Гагарин к нам приехал, да я бы в это время ни за что не уехал».

Со мной был писатель Борис Никольский. Он сказал, что видел Гагарина, и рассказал, как это было. А ребята смотрели на Бориса, как на самого счастливого человека на свете, который лично сам, своими глазами видел первого в мире космонавта.

...Бегут вприпрыжку дети, размахивая портфелями, по дощатым тротуарам.

Выходят люди из кино.

Пронесются автобусы, машины.

Дует ветер.

Заходим в книжный магазин.

Свободный доступ к книгам. Иди

сам за прилавок, выбирай себе любую.

А за прилавком дети. Они этой возможностью воспользовались — стоят и читают.

Продавец им говорит:

— Ну, как, ребята, что-нибудь нашли?

Они его не слышат, зачитались.

Продавец им говорит:

— Это все-таки магазин, ребята, как-никак...

А они все равно не слышат. Забыли, может быть, что это магазин? Скорей всего, интересная книжка им попала, они от нее оторваться не могут. Их сейчас только книга интересует, больше ничего на свете не интересует. Как-то даже неудобно таких верных, достойных читателей от чтения отрывать!

Продавец говорит:

— Так они каждый день ходят, все читают, все книги у меня перечитали, нельзя же так! Пусть покупают!

Ребята, оторвавшись от своего чтения, говорят:

— Мы покупаем.

Продавец: Когда вы купили?

Ребята: В прошлом месяце.

Продавец: Шли бы вы в библиотеку, дети...

Ребята: Мы хотим купить. Только ведь пока половину не прочтешь, никогда не узнаешь, хорошая это книга или плохая...

— Они все хитрят, — говорит продавец, — все хитрят...

— Как хитрят?

В это время ребята кричат:

— Ну, эту книгу мы покупаем, все ясно!

Они идут в кассу платить.

— Пока одну книгу купят, сто книг прочтут... — говорит продавец.

Эти двое ребят выходят из магазина, читая свою книгу на ходу. Эх, думаю, жаль, хоть какой-нибудь моей книги нет сейчас в этом магазине, я бы им с таким удовольствием подарил! Да только понравится ли она им. Такие требовательные читатели! Прочтут, чего доброго, половину, а то и того меньше, а потом скажут: «Ну, тут все ясно, дальше читать не обязательно». Но все равно я бы им подарил свою книжку с большим удовольствием. Правда, с тайным желанием, что они все-таки прочтут ее до конца.

...Показывали нам фигурки из кости, вырезанные ребятами. Эти фигурки лежали в ящике, каждая тщательно завернута. Им предстоял путь в Нью-Йорк. Они уезжали на выставку детского творчества в Америку. Они побывали на многих выставках. И всюду люди поражались умению маленьких художников.

Медведи, птицы, лошади, олени... Чтобы вырезать такую фигурку, нужно не только умение, талант. Не только осторожность и терпение. Нужно — время. Целый год иногда ходит мальчишка с куском мамонтовой кости. Всюду носит с собой. Режет, режет. Мозоли на руках натрет. Такую вещь сразу не сделать...

Одну фигурку мне подарили: якут в национальном одеянии ведет быка.

Я смотрю на нее с восхищением каждый раз.

Замечательные дети в Якутске!

«А где они не замечательные?» — спросят меня.

«Везде замечательные!»

АЛМАЗНЫЙ ГОРОД МИРНЫЙ

Помню, в детстве бабушка мне рассказывала сказку про алмазного короля. У короля была какая-то необыкновенная корона — вся в алмазах. А соседние короли на эту корону зарились. Ни у кого из них такого богатства не было. Они все время на этого короля нападали, он даже устал отбиваться. Народу погибло — ужас. Потом, кажется, эту корону у него украли шпионы, подсланные из другого королевства. А король после этого не только не расстроился, а даже вздохнул спокойно. Он вышел к народу в новой, обыкновенной короне, без всяких алмазов, и сказал речь: «Слава богу! Украли у нас эту чертову корону. Пусть теперь на то королевство нападают, где она сейчас находится.

А мы с вами спокойно проживем. Натерпелись мы из-за этой короны с вами, граждане. В конце концов, можно на голову другую корону надеть, ничего от этого не изменится. И голова умней не станет. Бог с ними, с этими алмазами, без них проживем. Никакой особенно пользы нам эти алмазы не принесли, кроме как сверкали и дразнили других королей...»

Можно понять, насколько этот камень ценный.

Так вот, много алмазов в земле у города Мирного.

После Якутска это, наверное, второй город по величине. И нарядней. Такого нового, современного здания, как спортзал, даже в Якутске нету.

Аккуратные улицы из двухэтажных деревянных разноцветных домиков. Домики зеленые и синие. А двери красные. Красиво. Впечатление от этих домиков какое-то радостное, светлое, красочное. Правда, в эти дни светило солнце, и не было ни сильного мороза, ни метели.

Блочные, бетонные дома. А ведь блоки сюда самолетами доставляют. Здесь их не изготавливают. В город Мирный не ведет никакая железная дорога.

Некоторые ребята, может быть, думают, — ходи по городу и алмазы собирай.

Некоторые, может быть, думают — копнул лопатой — тут тебе и алмазы.

Ничего похожего на это нету. Так могут вообразить только самые маленькие дети, будто алмаз найти — пустяк, а постарше ребята понимают, что все не так.

Алмаз трудно найти. А еще труд-

ней обработать. Копают экскаваторами породу. Самосвалы везут эту породу на фабрику. Там сыпают ее на конвейер, и движется эта порода по всей фабрике — обыкновенная на вид земля, а обмывается, дробится, сортируется. Неужели в этой простой земле находятся алмазы? Даже когда остаются одни небольшие промытые камешки, все равно никакого алмаза среди них не отличишь. Это сложный процесс и тяжелый. Приходится только поражаться, с каким трудом добывали его раньше, в те далекие королевские, царские времена. Немудрено, что он так ценился.

Много рабочих, специалистов работает на фабриках и на карьерах. Место, где алмазы добывают, карьером называется.

В Мирном три школы.

Нас предупредили:

— Школы между собой сорев-

нуются. Если в какой-нибудь школе не выступите, дети могут подумать, их школа в чем-то провинилась. Дети очень расстроятся.

— А если всех в одной школе собрать?

— Опять-таки, в какой школе собрать... в какой школе соберем, той, выходит, больше предпочтения отдается... две другие школы решат, что они в чем-то провинились. Дети очень расстроятся.

Пришлось в трех выступать.

Между прочим, нас предупредили.

— Не вздумайте где-нибудь сказать, что вы у них вторыми выступаете. А третьими — тем более. Дети могут расстроиться.

Мы никому не сказали. Да нас об этом и не спрашивали. А если бы спросили? Пришлось бы обмануть. Не хватает еще, чтобы дети расстраивались! Особенно, если они соревнуются.

ДЮПСЯ

...В Дюпсю путь на машине.

Звонят туда из Якутска, спрашивают: «Клин прошел?» Оттуда отвечают: «Не прошел». Нам говорят: «Газика сейчас под рукой нету. Есть «Волга», а на этой машине вы ни за что не проедете — снегу вчера намело, а клин там еще не прошел». Клин — это вроде снегоочистителя. Едет по дороге трактор, а позади железный клин снег расчищает.

Решили рискнуть.

Очень медленно едем, трудно двигаться «Волге» по такому снегу.

Шофер спрашивает:

— Знаете, где мы сейчас едем?

— Нет, не знаем.

— А едем мы сейчас по реке Лене.

Ощутить это трудно. Вокруг все бело, сплошное белое безмолвие. А под нами сейчас плавают разные рыбы...

Шофер говорит:

— Когда метели, не проехать. По месяцу в каком-нибудь районе сидишь, да люди здесь привычные, на расписание не рассчитывают...

— Так что же, — говорю, — мы можем не доехать, выходит?

— Все бывает, — говорит шофер. — Доехать мы, конечно, доедем, вопрос — на чем. На «Волге», скорей всего, туда не доедем...

— Зачем же ехать было?

— Вот до Борогонцев доедем, а там, если все в порядке будет, возможно, дальше поедem. А возможно, и нет...

— А что может быть не в порядке? — спрашиваю.

— Да ничего не может быть, если клин проехал...

— А если не проехал?

— Тогда и мы не проедем.

— Дети нас ждут, — говорю, — не красиво получается...

— Какие дети?

— Да не наши дети, — говорю, — а ваши дети...

— Мои дети? — говорит шофер и смеется.

Объясняем, зачем мы туда едем, а он еще больше смеется, в таком случае, говорит, непременно доедем, а я-то думаю, в крайнем случае двое

— Обыкновенные, — говорю, — дети, какие...

— Ничего, — отвечает, — мать с ними управится. Недельки три в Борогонцах просидим, детки еще больше соскучатся, жена соскучится...

ребятишек ждут, а тут, оказывается, целая школа ждет...

Он перечисляет рыбу, какая в Лене водится — осетр, стерлядь, налим, чир и другая. А я все думаю, как бы все-таки до места доехать. Борис

Никольский, очень спокойный человек, говорит: «Застрянем — вытащат». Совершенно правильно, между прочим, рассуждает.

Сплошной снег вокруг. Кроме снега ведь нет ничего, а такая удивительная белая красота!

Подъезжаем к Борогонцам, там нам говорят:

— На «Волге» не проедете, куда там!

— А клин прошел? — спрашивает шофер.

— Если бы клин прошел, на велосипеде съездить можно было бы, — отвечают.

Интересуемся, нету ли газика в поселке, мы его с удовольствием на «Волгу» бы обменяли. Будем ехать обратно — газик оставим, а «Волгу» заберем.

Какой-то старик говорит:

— Газик есть.

Ну, значит, доедем.

А он говорит:

— Есть газик, но замерзший, есть второй, но без колес...

Вздохнули. И двинулись дальше.

Раз газика нет. Раз ждут дети.

Раз так...

Сбоку лес. Ехать можно. На лес-

ную дорогу снегу все-таки не так намело.

Но вот кончился лес. И выезжаем мы опять на это белое безмолвие.

Темнеет.

Машина застряла.

Никакой красоты уже нет. Темнота.

Столкнем с места машину, садимся, полметра проедем, вылезаем и снова толкаем.

На ногах мерзнут пальцы. Торбоза тут нужны, не ботинки. Наши «теплые» ботинки здесь даже весной не греют.

Вдали лес. Только въехать туда. Там пойдет. Дорога петляла возле леса, а в лес не шла.

Шофер говорит:

— По этой дороге я первый раз еду.

Выходит, еще есть возможность не туда приехать.

— Жалко, лес далеко, — говорит, — натаскали бы сучьев, костер разожгли...

Лес-то видно, да он далеко. Да если бы мы до него добрались! С какой стати нам было бы: костер разжигать, мы бы дальше поехали. Шофер говорит:

— Бесполезное это дело — толкай не толкай, все равно не натолкаешься. Я так считаю: позвонят они в Борогонцы. Так? Нас нет. Значит, в пути. Нас все нет. Значит, «сели». Вышлют они нам навстречу помощь.

Такие спокойные люди меня всегда восхищали. Так верно рассуждают!

Сидим молча. Вокруг темнота. Тишина.

И вдруг видим: катится к нам с горки огонек. И видим уже: идет к нам трактор.

Вытащил нас трактор тросом, и поехали мы по его колее, а он дальше путь расчищать.

Везем нас в Дюсю поздно. Дети спят.

На другой день показали нам ребята концерт художественной самодеятельности. Этот концерт продолжался часа три, а может быть, и больше. Там были танцы украинские, якутские, русские, румынские, чешские, немецкие, английские, кавказские, туркменские, узбекские, молдавские, монгольские — все не помню. Плясать в этой школе любят, да еще как! А петь еще больше. Такое впечатление, будто вся школа поет и пляшет.

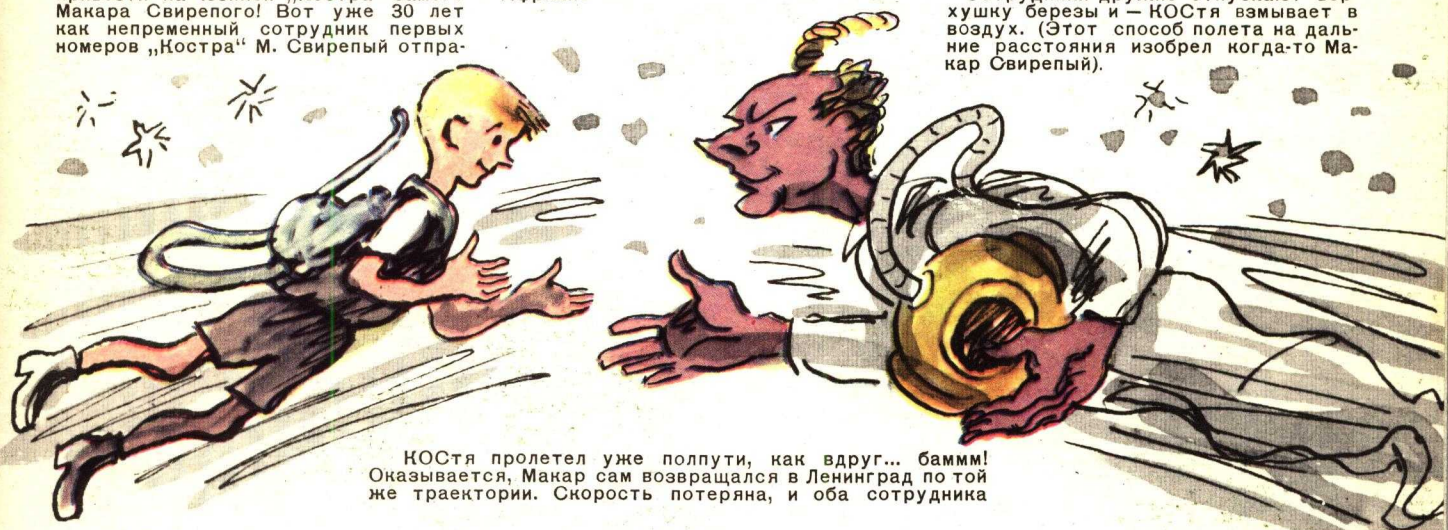
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКАРА И КОСТИ

Вся редакция провожала в путь КОС-
тю ТЕРкина. Ведь КОСтя вызвался
привезти на юбилей „Костра“ самого
Макара Свиного! Вот уже 30 лет
как неперенный сотрудник первых
номеров „Костра“ М. Свиный отпра-

вился путешествовать. По нашим рас-
четам он находится сейчас в дебрях
Африки.

Главный редактор командует:
„Старт!“

Сотрудники дружно отпускают вер-
хушку березы и — КОСтя взмывает в
воздух. (Этот способ полета на даль-
ние расстояния изобрел когда-то Ма-
кар Свиный).

КОСтя пролетел уже полпути, как вдруг... баммм!
Оказывается, Макар сам возвращался в Ленинград по той
же траектории. Скорость потеряна, и оба сотрудника

„Костра“ погружаются в теплые вол-
ны. К счастью, Макар, как всегда в пу-
тешествии, был в водолажном костюме,
а КОСтя захватил с собой акваланг.

Обшитый сталью киль корабля пока-
зался над друзьями. Запасливый Ма-
кар выхватил магнит и...

„Полный вперед!“ — командует бо-
цман Румпель, и яхта „Костер“ спешит
в Ленинград на юбилейные торжества.

Продолжение после стр. 48

А. Крестинский

Жили-были в городе Павлово-Посаде двое мальчишек — Сашка и Сережка.

У Сашки и Сережки были друзья. Вадька и Вовка. Вадька такой человек: если пять минут на месте просидит — это чудо.

Как-то Вадька посмотрел кинофильм «Три мушкетера». Он тотчас прибежал к друзьям и сказал:

— Давайте сделаем рапиры и будем сражаться!

Сказано — сделано. Отправились на конденсаторный завод, утащили с

заводского двора плющенки — металлочесные полосы. Сделали из них рапиры.

Целыми днями около дома слышались воинственные крики, звон скрежетаемых рапир, и в небольших количествах лилась кровь.

Взрослые забеспокоились не на шутку. Целый вечер они держали военный совет, а утром поступили совсем не так, как принято поступать в таких случаях. Они не отнимали рапир, не прятали их в потайные места, не угрожали домашним арестом

в случае неповиновения. Просто бабушка предложила сшить настоящие костюмы мушкетеров.

Предложение всем понравилось, и вскоре четверо друзей шеголяли в широкополых шляпах, роскошных плащах и колетах, сделанных из обыкновенной клеенки. Облаченные в мушкетерские одежды, они с еще большей страстью стали сражаться на рапирах.

Тогда бабушка сказала:

— Так. Костюмы у нас есть. Рапиры тоже. Давайте ставить спектакль.

Рисунки К. Савкевич

По идее, Д'Артаньян должен был играть Вадька — самый маленький и быстрый. А Портоса — Сашка. Он самый большой. Но каждый хотел быть только Д'Артаньяном.

Тогда кто-то придумал кинуть жребий. Четыре одинаковых, скатанных в трубочку бумажки бросили в шапку и для порядка эту шапку встряхнули. Жребий есть жребий: Сережка стал Атосом, Сашка — Д'Артаньяном, Вовка — Арамисом, а Вадька, маленький Вадька — Портосом!

Новая забота: мальчишек четверо, а героев гораздо больше. Как быть, например, с графом де-Рошфором? И вообще, без врагов неинтересно...

После долгих споров отказались от Арамиса — что ни говорите, он был не настоящий мушкетер! Вовка получил роль графа де-Рошфора, а Сашка-Д'Артаньян — по совместительству — графа Букингема.

Бабушке предъявили ультиматум: пусть каждый по ходу пьесы сражается и побеждает. Иначе — не согласны!

Особенно трудно было убедить Вовку-де-Рошфора, что он не должен побеждать. Вовка не хотел считаться с великим Дюма.

С Вадькой, конечно, свои трудности. На генеральной репетиции, в заключительной сцене, когда мушкетеры выхватывают шпаги из ножен, Вадька достал из кармана самодельный пистолет и закричал:

— Руки вверх!

В труппу пригласили первых актрис. Миледи сразу же дали нагрузку: в свободные минуты она изображала лошадь Д'Артаньяна. «Изображала» — не совсем точное слово. Голову лошади сделали из старого валенка — пришили уши, глаза-пуговицы, приклеили гриву. Валенки на-

дели на длинную палку и в нужный момент миледи высовывала валенок из-за кулис, раскачивая его на палке. Это означало, что лошадь выглядывает из-за ограды, что она встряхивает гривой.

Так начался театр, хотя в тот момент никто не предполагал, что он уже начался.

Это зрители. Наш корреспондент Лев Поляков снимал их прямо в упор, а они ничего не заметили, так увлеклись спектаклем.

А слева, на цветной вклейке, — артисты. В роли Тани — Алла Колосова. Сцену из сказки «Неоконченный турнир» снял фоторепортер И. Тункель.

Быть артистом почетно. Но очень трудно. Задрознили Вовку мальчишки с соседней улицы — «эй, ты, артист» — и застыдился Вовка своего веселого занятия. А летом, когда выступали в пионерлагере, среди зрителей оказались Вовкины недоброжелатели. Он совсем расстроился: «Лучше уйду из лагеря, а играть не буду...»

В конце концов, ушел Вовка из театра.

Попросился играть Сашка Логвинов. Взяли его. Во время спектакля дружки из первого ряда поймали Сашку за ногу и потянули со сцены.

— Лога, не срамись!

У Сашки оказался покрепче характер: он остался.

Вообще трудно быть артистом. Ты приходишь и говоришь: «Я уже выучил слова». И начинаешь быстро-быстро читать наизусть свою роль, чтобы доказать, какой ты хороший артист. А тебе говорят: «Не умеешь

сидеть, не умеешь ходить, не умеешь снимать шляпу, не знаешь, куда девать руки. Тебе надо посещать танцевальный кружок. Каша у тебя во рту...»

Не всякий такое выдержит.

А еще школа. Чуть что, учителя говорят:

— Вот исключим тебя из театра, будешь знать!

И хотя ты прекрасно понимаешь, что они не могут этого сделать, — театр-то не в школе! — все равно неприятно.

Или, скажем, такой случай. Обещали всему театру билеты на елку в Москву, а потом обманули: дали билеты, да не всем.

Иные люди сразу сказали: «Если не всем — не поедем».

А ты теребишь билет в руках и не знаешь, как поступить. Тебе очень хочется на елку! И ты думаешь так: «Возьму и поеду. Кому от этого плохо?»

Сашка - Д'Артаньян

И ты едешь на елку. В то время как другие не едут. И тебя что-то гложет по дороге туда и по дороге обратно. И мандарины и конфеты в пузатом кулечке тебя не радуют. Ты гонишь от себя грустные мысли, а они не уходят. Потому что ты нарушил закон жизни, который называется чувством локтя. И ты знаешь, что тебе этого не простят.

Кто первым предложил название театра? Так ли это важно — придумывали вместе. И название — ТЕАТР ЮНЫХ СОРВАНЦОВ — понравилось всем.

Впрочем, нет! Нашлись в городе люди — правда, их было совсем немного — которые сказали:

— Театр юных сорванцов? Да это все равно что сказать «Театр юных хулиганов»! Вы хотите расклеить по городу афиши с таким названием? Ни в коем случае! Ни за что! Ну, театр юных артистов или юных пионеров... А то — сор-ван-цов!..

Теперь эти люди привыкли к названию театра, посещают спектакли и даже хлопают иногда.

А «сорванцы» — вот они какие.

Один из них (не буду называть его имени, дело прошлое) однажды вышел из класса... через окно.

В школе это было событием, маму его вызвали к директору. Ну, сами понимаете, что бывает в таких случаях.

Наверно, незачем вылезать через окно, когда есть дверь. Наверно, это опасно: один раз вылез с первого этажа, а другой раз захочется вылезти со второго.

Но с тем же самым мальчиком однажды произошел такой случай: дело было на даче. Некий человек держал у себя в саду большую овчарку. Один раз он ушел по делам,

а овчарка сорвалась с цепи. Люди боялись к ней подходить, потому что овчарка на них рычала. А тот мальчик подошел, взял овчарку за ошейник, отвел на место и привязал. И она, совсем незнакомая собака, не рычала на него.

А еще я узнал, что у сорванцов есть правило: когда репетиция затягивается допоздна, мальчики провожают домой девочек, и это совсем не считается у них чем-то стыдным, как думают некоторые другие ребята.

В каждом настоящем театре есть свой драматург, сочинитель пьес. У сорванцов таким человеком стала бабушка.

Надо вам сказать, что эта бабушка всю жизнь любила рассказывать детям сказки. И тогда, когда она была еще молодой. И потом, во

время войны, в эвакуации, где сказки в какой-то мере заменяли детям тепло и еду.

Когда бабушка стала настоящей бабушкой, она начала придумывать сказки сама, фантазировать. Так родились бабушкины пьесы — «Два заклинанья», «Неоконченный турнир» — сказка о приключениях девочки Та-ни в шахматной стране, и другие.

Мне не удалось увидеть «Неоконченный турнир» полностью. Я видел только одну сцену, которую сорванцы показали в Ленинграде, закончив свою летнюю гастрольную поездку по маршруту: Павлово-Посад — Москва — Большая Волга — Калинин — Торжок — Вышний Волочок — Бологое — Ленинград. Конечно, они не

могли привезти с собой декораций, и перед тем, как начать выступление, один из актеров вышел на авансцену и сказал зрителям:

— Представьте себе, что это замок Белого Короля. Здесь — башня, там — темница, а на стене темницы сидит огромный страшный паук. У него светятся глаза...

Не знаю, как другие зрители, но я прекрасно себе представил все это, тем более, что актеры играли в замечательных костюмах, сшитых под руководством той же бабушки, бабушки-драматурга, бабушки-портнихи, бабушки — мастера на все руки.

Декорации я увидел позже, когда приехал в Павлово-Посад, в гости к сорванцам. Они провели меня через темный клубный зал на сцену, зажгли свет и вытащили старые декорации. Это была древняя крепостная стена с башнями и маленькой дверцей, через которую убежала из темницы девочка Таня. А теперь я сам, согнувшись в три погибели, про-

шел в эту маленькую скрипучую дверь и вдруг в полумраке сцены увидел на стене паутину, а на ней огромного паука, круглые глаза которого то загорались зловещим красным огнем, то потухали.

— Там батарейки, — объяснил мне Сашка. — По пьесе Таня убивает паука. Видите, здесь отверстие круглое? Сюда вставляется воздушный шарик. Таня его прокалывает — он лопается со страшным шумом...

Потом артисты доставали из глубокого сундука аккуратно сложенные костюмы и примеряли их: костюм королевы, коня, пешки, туры — или, как ее звали в пьесе, — Тура-Ладьянса.

Ребята показывали мне, как надеваются костюмы жирафа и зебры. Я подумал, что на роль жирафа согласился бы. Тут мне объяснили, что жирафа играют двое — один идет впереди, другой сзади, и что это очень трудная роль, хотя и без слов. И рассказали, как Надя забыла один раз надеть жирафьи штаны и испортила всю сцену, потому что зрители смеялись не там, где им положено было смеяться, а смеялись непрерывно.

Тут же я познакомился с девочкой Наташей, которая долго и очень хорошо играла вторую половину жирафа, а теперь, в новой пьесе, получит, наконец, роль со словами.

Так выглядит пригласительный билет на спектакль ТЮСа

Вечером в доме то и дело хлопали двери — сорванцы собирались на репетицию новой бабушкиной пьесы. Это будет сказка про Аленушку.

Сашкина и Сереежкина мама оказалась очень строгим режиссером.

«Подумай, зачем ты выходишь на сцену? Чего ты хочешь? Помни, готовых слов у тебя нет. Выслушай партнера, придумай, что ответить, и только потом говори... Ты злая мачеха, но притворяешься доброй. А ты играешь так, будто на самом деле добрая...»

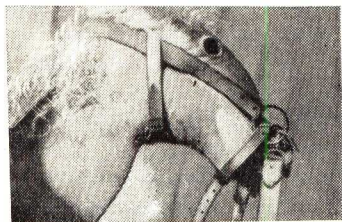
Все были очень внимательны, старались не пропустить ни одного слова и почти не обращали внимания на кота Цап-Царапыча, который играл в прятки с шотландским сеттером Капитаном Дюком. В конце концов, Капитан Дюк устал и грохнулся на пол. Он положил морду на лапы и, шумно вздыхая, стал смотреть на актеров печальными карими глазами. В эти дни в бурных спорах решалась его судьба: быть ему актером или не быть. Дело в том, что

бабушка и Сереежка предложили выпустить его на сцену в тот момент, когда царевич с егерем во время охоты встречаются в лесу Аленушку. «Представляете, егерь трубит в рог, и на сцену вылетает наш Капитан!» Мама и Сашка против: «Нельзя Дюка выпускать, все только на него и будут смотреть, а про пьесу забудут».

Этот спор пока еще не кончился, и судьба Дюка не решена. Быть может, потому он так шумно вздыхает и так печально смотрит на всех. Или его просто тянет в лес? Ведь он настоящий породистый охотничий пес...

* * *

ТЕАТР ЮНЫХ СОРВАНЦОВ существует, трудится, радуется зрителям совсем не для того, чтобы все сорванцы обязательно стали актерами. Когда я познакомился с ними, а потом узнал их поближе, я поверил, что театр поможет им стать хорошими людьми — верными и добрыми, веселыми и трудолюбивыми.

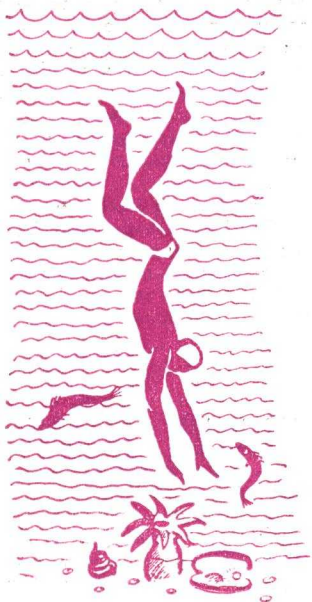
Лошадь Д'Артаньяна

Мерцает лунная дорожка
на озере в полночный час.
Она волнуется немножко,
о чем-то спрашивает нас.
Это над озером, над лесом
луна летит с ответным рейсом
с обеспокоенных небес
к нам, в край космических чудес.

МОРЕ

О чем шутишь и что поешь
под ветром юным, ветром южным?
Кому ракушки раздаешь
с заветным зернышком жемчужным?
Или по-прежнему на дне,
как маленькие изваянья,
они таятся в глубине
на недоступном расстоянии?
Но я нырну, но я нырну
и отыщу хотя б одну,
и подарю твоим глазам,
и налюбуюсь ею сам.

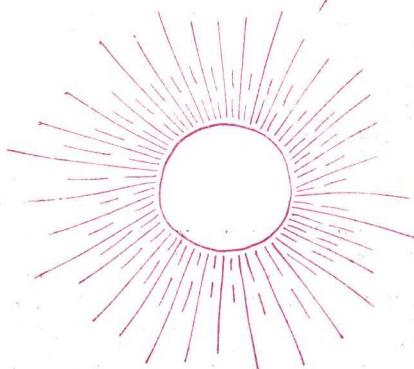
ЗА ОБЛАКА

Скалолаз-альпинист
брал крутой подъем,
вверх стремился, а не вниз
на пути своем.
Тем, кто ахали внизу,
говорил он: «Доползу!»
И скала, что была
грозною донине,
скалолазу отдала
ключ к своей вершине.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Я знаю, ты любишь стихи,
веселые, смешные, забавные.
Я и сам люблю все веселое,
хотя мне уже 70 лет. Но у каж-
дого человека, будь он стар
или молод, бывают в жизни и
минутки раздумья. Стихи, кото-
рые ты увидишь на этой стра-
нице, были написаны именно в
такие минутки. Я записывал их
в свой дневник дома, в лесу,
на лугу, у воды, когда было
очень тихо и невольно хотелось
о чем-то немножко подумать.
Я буду рад, если мои строчки
не окажутся скучными и, мо-
жет быть, вызовут в тебе
встречные мысли и чувства.

СОЛНЕЧНЫЕ БЛИКИ

С утра дождит, опять дождит...
Но вот, угрюмости в отместку,
прорвалось солнце и глядит
сквозь радужную занавеску.
Какие красок чудеса,
какие светотени пляски,
как радуются глаза,
счастливые мои глаза,
почти что осязая краски —
мерцанье, трепет и тепло,
все пылкое волнение света...
Друзья мои, ко мне вошло
само сияющее лето.

РОСИСТЫМ УТРОМ

Травинка цвета изумруда
в прозрачном трепете росы
живет, как сказочное чудо,
что не положишь на весы.
Вглядишься всей пристальностью зрения
в живой тайник ее тиши,
она войдет в стихотворение,
как черточка твоей души.

Рисунки
И. Казаковой

ТАМ, ВДАЛИ ЗА РЕКОЙ

ПОВЕСТЬ О ДЯДЕ

Юрий Коринец

Рисунки С. Острова

РАЗГОВОР О НЕПРИЯТНОСТЯХ

— Были у тебя неприятности? — спросил я у дяди, когда мы остались одни.

Спросил я это не сразу: сначала я показал дяде свою контрольную, а потом спросил о неприятностях, но спросил это так, между прочим.

— Никаких неприятностей не было, — сказал дядя. — Все было прекрасно.

— Никаких?

— Никаких!

— Никаких, никаких, никаких?

— Да, никаких! Какие неприятности? Экспедиция прошла прекрасно...

— Да нет, — перебил я. — А вообще? Вообще в жизни?

— Вообще? Почему ты об этом спрашиваешь?

— Да это я так, между прочим. Ты никогда не рассказывал мне о неприятностях.

Понимаете — мне во что бы то ни стало нужно было узнать, были ли у него неприятности. Мне нужно было знать, как дядя вел себя, когда у него были неприятности. Чтобы потом перейти к своим неприятностям.

— Много у тебя было неприятностей? — спросил я.

— Хватало! — сказал дядя.

— Ну расскажи мне какую-нибудь неприятность!

— Давай лучше говорить о приятностях...

— Ну дядя же! Я серьезно...

— Ну, если серьезно, то слушай...

Дядя достал свою трубку, набил ее табаком и закурил.

— Один раз я чуть было не расстался с жизнью...

— Тебя хотели убить?

— Вроде того...

— Белые?

— Рыжий! — рассмеялся дядя.

— Какой рыжий? Разве были рыжие?

— Рыжий кабан!

— Ну дядя же!

— Слушай! — сказал дядя. — Я не шучу. Это было давно, жил я тогда с родителями на Северном Кавказе, в городе Елисаветполе. Мне было тринадцать лет, но я уже ходил с отцом на охоту...

— С моим дедом?

— С твоим дедом. Твой дед был прирожденный охотник. Его страсть к охоте перешла ко мне по наследству. Доннерветтер, что это был за охотник! — дядя выпустил облако дыма. — В жизни я не видывал лучшего охотника!

— А ты?

— Я ему в подметки не гожусь! — крикнул дядя. — Не гожусь в подметки! Хотя я не плохой охотник. Так вот... Мы часто ходили с отцом на охоту, на диких кабанов. В нашей местности была тьма кабанов. Мы охотились в горах. Твой дед был дитя этих гор! Он двигался по горным тропам, как по этой вот комнате. Он все время смотрел в землю, потому что был следопыт. Он читал на земле, как в книге. Каждый перевернутый камень или сломанный сучок рассказывал ему целую поэму. Он всегда знал, кто прошел впереди нас — человек или зверь. Он знал, давно ли они прошли, в каком направлении, бодрые или усталые.

— Один раз мы вышли в горы на рассвете. Мы долго шли по извилистой тропе, пока отец не напал на след кабана. Отец стал останавливаться через каждые сто шагов, чтобы определить направление ветра: он скоблил ножом ноготь большого пальца — тончайшая пыль, слетая с ногтя, указывала нам, куда дует ветер. Надо было подойти к кабану с подветренной стороны, чтобы кабан не почувствовал нашего приближения. Шли мы совершенно бесшумно, объясняясь одними условными знаками. Внезапно отец скорчил мне страшную рожу...

— Какую? — спросил я.

Дядя скорчил такую рожу, что я чуть не упал со стула от хохота. Дядя втянул голову в плечи, прищурил глаза так, что остались

одни узкие щелки, сморщил нос и выпятил губы наподобие свиного пяточка — дядя стал похож на свинью!

— Вот какую рожу, — сказал дядя и выпустил облако дыма. — Это значило, что рядом кабан. Дикие кабаны очень свирепы. А хитры они, бестии! Они могут пронзить тебя своими клыками в мгновение ока! Самое страшное это раненый кабан, даже раненый смертельно — такой всего опаснее. Поэтому в кабана надо стрелять без промаха, надо попасть ему в шею за ухом, чтобы уложить его одним ударом.

— После того как отец скорчил мне рожу, мы стали бесшумно передвигаться от дерева к дереву, держа на изготовке свои ружья. И тут я увидел его! Кабан стоял ко мне боком, копаясь рылом в сухих листьях и выискивая там что-то съедобное. Я прицелился и выстрелил... Кабан упал и покатился...

— Здорово! — сказал я.

— Совсем не здорово! — крикнул дядя. — Я оказался в дураках! Я не перезарядил ружье, потому что подумал, что кабан убит, и пошел его разыскивать. Вдруг я увидел, что кабан несется прямо на меня! Он несся, как танк... как сумасшедший танк! Острые клыки торчали из его пасти, как кривые пулеметы... До сих пор помню его свирепую рожу!

Дядя опять скорчил рожу, но я уже не смеялся.

— Все совершилось в одно мгновение! Не знаю уж как, но я отпрыгнул, и кабан пронесся мимо меня. Он пронесся так близко, что обрызгал меня кровью с ног до головы. Позади меня рос большой дуб, и кабан врезался в этот дуб своими клыками сантиметров на пять... тут подбежал отец и прикончил его ударом ножа! И попало же мне тогда от отца!

— За что?

— Как за что? За то, что промазал! Не убил наповал! И за то, что не перезарядил ружье! Отец здорово наказал меня! Мне было очень неприятно.

— Он поставил тебя в угол?

— В какой там угол! Меня никогда не ставили в угол! Отец просто посмотрел на меня, не говоря ни слова, *вот так*...

И дядя так на меня посмотрел, что душа моя сразу ушла в пятки. Почему она ушла в пятки? Потому что душа всегда уходит в пятки, когда вам очень страшно. Она там прячется. Там у нее укромное местечко. Так объяснил мне дядя.

— Не смотри на меня так, — сказал я.

— То-то! — улыбнулся дядя.

— А хуже были неприятности? — спросил я.

— Тебе этого мало?

— Не мало, но это же так... с кабаном... а с белыми?

— С какими белыми?

— Ну, с разными... с белыми... с врагами!

— Хватало! — сказал дядя.

— Ну, расскажи! Расскажи мне какую-нибудь особую неприятность. Революционную.

Дядя задумался, попыхивая трубкой.

— Был однажды случай, — сказал дядя. — В тринадцатом году. Я шел на явку и плохо замел след. За мной увязался филер...

— Какой филер?

— Шпик!

— Какой шпик? Шпик это же сало...

— Вот-вот, — сказал дядя. — Такой же липкий, как сало! Шпик, или филер, это сыщик. Сыщиков нанимало царское правительство следить за революционерами. Нас отслеживали, чтобы поймать и посадить в тюрьму. Если тебя поймают одного, это еще не так страшно. Главное — не раскрыть организацию...

— Партию?

— Ячейку партии, в которой ты состоишь. Если попадешься один, можно все скрыть. Молчишь и все. Или наврешь с три короба...

— А ты молчал?

— Как рыба!

— Тебя пытали?

— Особенно нет... Просто били.

— И тебе было больно?

— Еще бы! Но дело не в этом. Дело в том, что я шел на явочную квартиру. Это была квартира зубного врача. Помнится, фамилия его была Ципперштейн. На парадной двери у него висела табличка: «Зубной врач Ципперштейн». А на самом-то деле это была явочная квартира. Там собирались мы — большевики-подпольщики. И обсуждали партийные дела. А иногда мы прятались там от полиции. Ясно?

Я кивнул. Дядя опять затянулся трубкой.

— Один раз я шел туда на собрание, но плохо замел следы, — продолжал он.

— А как ты заметал следы?

— Как лиса! — закричал дядя. — Я всегда заметал их, как лиса! Но на этот раз мне не повезло! Помнится, я вышел из дому — я жил тогда в Москве у Земляного вала, — вышел из дому и заметил, что за мной следят. За мной шел шпик. Ну и рожа, скажу я тебе!

— Как у кабана?

— Хуже! — дядя скорчил совсем особую рожу, — такой рожи я с роду не видывал!

Я засмеялся.

— Тебе смешно, — сказал дядя, — а мне тогда было совсем не до смеха! Я стал замечать следы. Я пошел пешком к центру. Квартира Ципперштейна была на Разгуляе, совсем

в другой стороне, но я нарочно пошел к центру. Я прошел всю Маросейку до самой Лубянки. Шпик шел за мной. Я вскочил в конку. Шпик тоже вскочил в конку. Это такой трамвай, который тянули лошади... Мы доехали до Манежа. Я опять выскочил. И шпик выскочил. Я пошел на Кудринку. И шпик тоже! Я пытаюсь замешаться в толпе. Но это мне не удавалось. Как назло было мало народа. Я прошел

один квартал, потом второй, потом свернул в переулок, вошел во двор, прошел его, вышел в другой переулок, свернул за угол, опять вышел из-за угла — *шпик шел за мной!* Я очень волновался. Меня ждали товарищи, я должен был передать им прокламации, чтобы они разбросали их на Пресне рабочим. Я катастрофически опаздывал! Наконец я схитрил: я шмыгнул у Кудринки в подворотню — и был таков! Когда я оглянулся, шпики уже не было! Я пошел на Садовую, сел в конку и доехал до Сахаревки. А оттуда пошел на Разгуляй. Я шел

медленно, все время оглядываясь — шпики не было!

— Молодец! — сказал я.

— Ворона! — крикнул дядя.

— Где ворона? — не понял я.

Я посмотрел в окно.

— Я ворона! — заорал дядя. — Жалкая, глупая ворона. Шпик шел за мной — я его просто не замечал! Это была опытная сволочь! Я заметил его только, когда поравнялся с домом Ципперштейна...

Дядя пыхнул дымом прямо в лицо мне.

— Квартира Ципперштейна была на первом этаже, понимаешь?

— Понимаю! — сказал я, хотя мне совсем не было понятно, какое это имеет значение.

— Надо было их *предупредить!* — крикнул дядя. — У нас был условный знак: если дело плохо, постучать три раза в окно...

— И ты постучал?

— Доннерветтер! Как же я мог постучать, если шпик шел за мной! Но я все же предупредил...

— Как? — еле выдохнул я.

— Я стал орать! — заорал дядя. — Я заорал прямо перед окном: «Держи вора! Держи вора!» — несколько раз, пока не заметил в окне голову Ципперштейна, его лысую лукообразную голову... Тогда я кинулся по улице, не переставая кричать, прямо на шпики, сбил его с ног и помчался дальше. За мной побежали... Шпик зашвырнул. Он тоже кричал: «Держите! Держите!»... И меня поймали...

— А прокламации?

— Я успел их бросить в корзину какой-то торговке.

Дядя опять затыкнулся.

— Да-а! — сказал он. — Нехорошо получилось... Прокламации не попали по назначению. Меня арестовали. А главное — сорвалось важное мероприятие!

— Какое мероприятие?

— Важное!

— Какое важное?

— *Этвас!* — улыбнулся дядя.

— Ну, дядя!

— Когда-нибудь узнаешь, — сказал дядя. — Это долго рассказывать. Вот, видишь, — он нагнулся и открыл ящик стола.

В ящике стола ровными пачками лежали тетрадки. Совсем обыкновенные. Даже какие-то старенькие. Тетрадок было много — штук сто. А может, и больше. Все они были перевязаны веревочками в отдельные пачки.

— Что это?

— Мои воспоминания. И дневники, — сказал дядя. — Я их дал почитать твоему отцу.

— А мне дашь почитать?

— Непременно!

— Когда? Когда мне будет тринадцать?

— Позже, — сказал дядя.

— А это что?

На тетрадях лежал пузатый синий конверт.

— Это фотографии... и послужной список.

— Какой послужной?

— Список прохождения службы. Тут указано, где и когда я служил. С семнадцатого по тридцать пятый год.

Мне прямо жарко стало! Мне очень хотелось посмотреть этот список.

— Хочешь посмотреть список? — спросил дядя.

— Хочу! — сказал я чуть слышно.

Дядя достал конверт и вынул из него сложенную вчетверо бумагу. Дядя развернул бумагу и протянул ее мне.

Я стал читать, затаив дыхание. А дядя сидел, попыхивая трубкой.

Вот он, этот список! Потом я его полностью переписал.

ВЫПИСКА ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ

Фамилия, имя, отчество ... Феденко Петр Иванов.

Когда и где родился ... 1887 год, 10 декабря, г. Елисаветполь.

Партийность ... члена ВКП(б) с 1905.

Прохождение службы

Назначен на должность военного следователя в РВТ Республики (революционный Военный Трибунал), приказ по полевому штабу № 57 ... 1917/16 окт.

Поступил добровольцем в Красную Гвардию, 33 стрелковый полк ... 1918/апрель.

Находился на излечении в госпитале ... 1918/авг.-дек.

Откомандирован в распоряжение НКВД (Народный Комиссариат иностранных дел) 1918/декабрь.

Откомандирован в постпредство в город Берлин 1919/январь.

Делегат с решающим голосом от пленума Моссовета на 2 Объединенном съезде Москвы и Московской губернии 1920/декабрь.

Откомандирован в постпредство в город Гельсингфорс 1921/апрель.

Откомандирован в Туркестанский военный округ в распоряжение особого отдела по борьбе с басмачами 1924/июль.

Находился на излечении в госпитале 1924/нояб.-дек. Откомандирован в Хоперский округ Нижне-Поволжской волости в связи с кампанией по сплошной коллективизации для организации групп бедноты 1929/январь.

Откомандирован в распоряжение СТО (Совет Труда и Оборона) 1929/июль.

Откомандирован на строительство Магнитогорского комбината 1930/май.

Откомандирован на строительство Днепровской гидроэлектростанции (Днепрогэс) 1932/апрель.

Откомандирован в распоряжение ГЛАВСЕВМОРПУТИ 1935/сентябрь.

Выписка верна

Старший научный сотрудник ЦГАКА Рославцева

— Хороший список! — сказал я.

Я задумался...

Доннерветтер! Так вот какой человек был мой дядя. Я, конечно, всегда знал, какой он человек, но я не думал, что он такой человек. Подумать только, в каких дядя побывал переделках! А еще говорят, что мой дядя выдумывает! Где же он выдумывает? Ничего он не выдумывает! Вот вам список, прочтите! Ах, вы его уже прочли? Очень хорошо! Прекрасно! Теперь вы догадываетесь, что такое *эвас*? И что значит пройти огонь, воду и медные трубы? Вот именно! Совершенно верно! Вот, вот! Совершенно правильно! Очень хорошо!

Я посмотрел на дядю. Он сидел задумавшись, опустив лохматую голову на грудь, на расстегнутый ворот рубахи. Потухшая трубка свисала у него с губ, между усов, на крутой подбородок. Руки лежали на ручках кресла. И тут я увидел, что дядя очень похож на Тараса Бульбу. Я видел Тараса Бульбу в книжке — точно мой дядя! Как я об этом раньше не думал!

— Дядя! — позвал я шепотом. — Дядя!

Дядя вздрогнул. Он поднял голову и несколько раз причмокнул мундштуком своей трубки. Но трубка погасла. Дядя взял спичку, зажег ее и стал раскуривать трубку, громко посапывая. Дядина голова сразу окуталась клубами дыма.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил я.

— О неприятностях, — сказал дядя.

— О кабане?

— И о кабане...

— И о шпике?

— И о шпике...

— А еще о чем?

— Мало ли еще о чем!

Дядя посмотрел мне в глаза. У него были очень грустные глаза, у моего дяди.

— Это все чепуха! — сказал он.

— Что чепуха?

— Кaban. И шпик. Это все чепуха. Бывало похуже...

— Что похуже?

— Узнаешь! Вот прочтешь эти тетрадки и все узнаешь... Когда-нибудь...

— Жаль, что я маленький! — сказал я. — И что я не был тогда с тобой! Я бы тебе помог, и у тебя было бы меньше неприятностей...

— Это очень хорошо, что ты маленький! — сказал дядя. — Это прекрасно! В этом преемственность! Преемственность поколений! Ясно?

— Неясно! — сказал я.

— Преемственность поколений — в этом вечная жизнь! — громко сказал дядя. — *Ты моя смена!* Ты понимаешь, что ты моя смена?

— Понимаю, — сказал я.

— Ведь ты же большевик у меня, не правда ли?

— Большевик, — сказал я.

— Вот именно! — крикнул дядя. — И ты продолжишь мое дело! Ради которого я жил и боролся! И ради которого готов умереть!

— Ты никогда не умрешь! — сказал я тихо.

— Может быть! — сказал дядя. — Может быть! *Но я останусь вдали за рекой, а ты пойдешь вперед!*

— Где вдали за рекой?

— В прошлом! — сказал дядя. — А теперь пойдем погуляем. Подышим воздухом, — и дядя встал.

Так я ничего и не сказал дяде о своих неприятностях. О Витьке и о дохлой крысе... Да и что было об этом рассказывать!

ВАЛЯ + МИША = ЛЮБОВЬ

На следующий день я понес бивни в школу. Я с трудом запихнул их в портфель. Пришлось выкинуть учебники, но все равно бивни торчали. Целиком они не умещались.

Я не мог не взять их в школу! Не для того, чтобы хвалиться, — чего мне хвалиться! — я просто должен был доказать, что *мой дядя не болтун*. Что он ничего не выдумывает. Сейчас я мог это доказать.

У кого есть еще такие бивни, скажите? Ни у кого! Все ребята приносили в школу разные ценности: разные гайки, железки, болтики, спичечные коробки с жуками и без жуков, фантики, резинки для рогаток, перочинные ножички и так далее. Но это все были *ложные ценности* по сравнению с моими бивнями. Ложные ценности — это настоящие ценности, попросту говоря, *чепуха*. Разве примут в музей какую-нибудь ржавую гайку? Не примут. Гайку только и можно что забросить на какой-нибудь провод, привязав ее за ниточку. Или сдать ее в металлолом. Больше она ни на что не годится. А мои бивни можно в музей сдать! И за них даже деньги заплатят. Кто знает, какого они века!

Все это я думал, пока шел в школу. Как только я вошел в класс, я сразу всем показал свои бивни. Вы знаете, какое они произвели впечатление? *Потрясающее!* Все просто онемели, остолбенели, окаменели, одеревенели и обречли. И смотрели на мои бивни. Вот было впечатление! Никогда ничем я не производил такого впечатления!

Больше всего поразили мои бивни Витьку. Он смотрел на них во все глаза, даже несколько раз пощупал. А я делал вид, что не замечаю его, хотя сам наблюдал за ним *боковым зрением*. Витька просто умирал от зависти, я это видел по его глазам. Но он ничего не сказал.

А я сказал. Я сказал, что это мне дядя привез. С Северного полюса. И про музей я тоже сказал, когда меня спросили, что я с ними буду делать. Но тут прозвенел звонок, и все сели за парты. В класс вошла Лидь Петровна.

Я положил бивни в парту, но они торчали даже из парты. Я их все время трогал, потому

что они мне мешали, а еще потому, что мне приятно было их трогать. И мой сосед Скобелев тоже их трогал, потому что я ему разрешил. Лидь Петровна заметила, что мы вертимся и сделала нам замечание. Но я продолжал ерзать на месте, потому что бивни упирались мне прямо в живот. Один раз они меня так зашекетали, что я рассмеялся. У меня было прекрасное настроение!

— Какой-то ты сегодня странный! — сказала мне Лидь Петровна. — Что это с тобой?

— Ничего, — сказал я.

После этого я сидел смирно, хотя мне было очень неудобно: я даже дышать не мог, так мне мешали бивни! Но ничего не поделаешь. Так я сидел до конца урока. Я прямо измучился! Я ничего не понимал из того, что говорила Лидь Петровна, потому что все время думал про бивни и про свой успех, и про Витьку, а урок был, как в тумане, в котором торчали огромные бивни. И все вертелось вокруг этих бивней.

На первой же перемене весть о моих бивнях разнеслась по всей школе. Все приходили на них смотреть. Даже десятиклассники. А я давал всем объяснения. И рассказывал всем о дяде. Когда я на минутку отлучался из класса, объяснения давала Валя, потому что Валя все знала — и про бивни, и про дядю. Когда я выходил, я поручал бивни Вале, чтобы с ними ничего не случилось. Но вообще-то я почти не выходил из класса, потому что все время должен был быть рядом с бивнями. Как какой-нибудь экскурсовод. Но экскурсоводы ходят по музею, а я почти не ходил. Я даже не ходил завтракать.

Тогда я вот что придумал: я приставил бивни ко рту и стал топтать по партам — как мамонт! Витьку я этим совсем уничтожил! Все очень смеялись. И я тоже. И Валя. И Витька тоже захохотал. Он так захохотал, что чуть не упал на пол. Он уж слишком захохотал, меня это даже удивило. И вдруг я заметил, что все смотрят на доску. Я тоже посмотрел на доску. И я сразу перестал смеяться...

Большими буквами на доске было написано:

Миша + Валя = любовь

Кровь сразу ударила мне в голову.

— Кто это написал? — крикнул я, хотя прекрасно знал, кто это написал.

Витька ничего не ответил — он продолжал хохотать, держась за живот.

Я подскочил к доске и стер эту подлую надпись.

Валя сказала:

— Брось, что ты обращаешь внимание на дураков?

И Витька перестал смеяться.

— Он просто боится признаться, тот, кто это написал, — сказал я и посмотрел прямо на Витьку.

Тут опять прозвенел звонок, и мы сели за парты. Мне опять ничего не лезло в голову. Я думал о том, какой подлый этот Витька. Даром, что второгодник! Настроение у меня было немножко испорчено. Но только немножко. Все-таки бивни были бивнями! Тут уж ничего не поделаешь. Просто я думал, как отомстить Витьке за эту подлость.

На следующих переменах мы опять играли с бивнями. Я тоже играл и делал вид, что ничего не случилось. Все опять приходили смотреть на эти бивни и щупали их, и расспрашивали про дядю, и прикладывали бивни к голове — как олени рога, и приставляли их к носу — как рог носорога, и даже фехтовали на бивнях! Было очень весело. На Витьку никто не обращал внимания. Но под конец мне это все надоело. Я устал.

Когда прозвенел последний звонок, я опять положил бивни в портфель и вышел во двор. Во дворе стоял Витька и еще ребята — из нашего класса и из другого, Витькины дружки.

Когда я проходил мимо них, Витька вышел вперед.

— Послушай, — сказал он, — хочешь конфетку?

В руках у него был кулек. Довольно большой кулек. Этого еще не хватало!

— Не хочу я твоих конфет! — сказал я.

Я пошел дальше. Витька пошел за мной. И те тоже.

— Брось ты дуться! — сказал Витька. — Ты думаешь, это я написал? Я ничего не писал!

Но я продолжал идти молча.

— Мишка! — сказал Витька и забежал вперед. — Ты брось! Я ведь ничего не имею... ну, против того, чтобы дружить. И насчет дяди забудь, он совсем не болтун. Это я теперь вижу...

И ребята тоже сказали:

— Хватит вам! Кончайте ссориться!

— Бивни у тебя замечательные! — сказал Витька. — Просто блеск! Возьми, вот, конфетку! Ну, возьми! Шоколадные...

— Ну, ладно! — буркнул я. — Так это не ты написал?

— Конечно, не я! Честное пионерское! Я знаю кто... я тебе потом скажу... Возьми вот эту, она с вином!

Я взял конфетку и положил ее в рот. А ребята стояли и смотрели. Они смотрели мне прямо в рот.

Я раскусил конфетку и почувствовал во рту какую-то дрянь... это была соль! Вся.

конфетка была напичкана солью! У меня от неожиданности голова закружилась! А во рту было так противно...

А Витька улыбнулся и вытянул голову:

— Ну, как? — спросил он.

И ребята заулыбались. Я видел, что они готовы расхохотаться.

— *Очень вкусно!* — сказал я, еле переводя дух.

И тут я проглотил эту конфетку.

— Замечательно вкусная! — повторил я. — Еще можно?

Я опять протянул руку и взял другую конфетку. Вторая конфетка была без соли. Я стал ее тщательно прожевывать, а ребята смотрели, как я жую. И Витька смотрел, как я жую. Его улыбка постепенно сходила с лица. А я жевал, как ни в чем не бывало! Жевал и смотрел на них. Я жевал и лихорадочно думал...

— Дай еще конфетку! — сказал я.

Я положил на землю портфель, взял еще конфетку и сразу проглотил ее.

— Давай еще конфетку! — закричал я. — Давай!

И тут я размахнулся и ударил Витьку прямо в переносицу!

— Еще конфетку! — я снова ударил. — Еще! Еще конфетку! Еще! А ну еще! Еще конфетку...

Витька вдруг заревел, закрыл лицо руками и побежал. По дороге он несколько раз упал.

А я стоял и смотрел ему вслед. На моем кулаке была кровь. Я вытер кулак о штаны. Я весь дрожал. И тут я увидел ребят. Они стояли молча, с открытыми ртами.

— Вот это да! — сказал вдруг один из них. — Дай пять!

Он взял мою руку и сжал ее.

— Вот это да! — повторил он. — Сила! Можешь на нас рассчитывать!

— Благодарю за внимание! — сказал я. — Большое спасибо! Весьма!

Вот как я им ответил! Здорово ответил, не правда ли?

Я взял портфель и пошел.

БАЛЬЗАМ „МЭРИ ПИКФОРД“

Один раз вечером в нашей квартире раздался странный звонок. Никто никогда так не звонил! Тем более в десять часов вечера. Звонок был настойчивый и оглушительный.

Все жильцы высунулись на «проспект». Я первый побежал открывать. Я всегда первый открываю, когда раздаются общественные звонки. Один звонок, это общественный звонок, звонок ко всем: так звонят молочницы, точильщики, почтальоны, страховые агенты, Мосгаз, Мосэнерго и пионеры, собирающие металлолом. Но они звонят вежливо. И не в десять часов вечера. Разве что телеграмма. Но это была не телеграмма! Я это сразу почувствовал. Это все сразу почувствовали.

Когда я открыл дверь, я *оторопел*.

На площадке лестницы стояли: *милиционер с портфелем, дворник Афоня и трое каких-то женщин*.

Я сразу обратил внимание на этих женщин. Одна из них была высоченной — метра два ростом. Другая была среднего роста, но зато толстая, как баобаба. А третья была совсем маленькая: чуть повыше меня. Лица у всех были закутаны платками — блестели одни глаза. Я видел такие фигуры у дяди на фотографиях, которые он привозил из Азии. *Женщины были похожи на привидения!*

В моей голове взметнулся рой мыслей. Рассказывать об этом долго, но произошло все в одно мгновение. Я сразу подумал о себе: не

натворил ли я чего-нибудь. На днях я залез во дворе на дерево и нечаянно сломал большой сук. Никто этого не видел, но общественное мнение могло об этом узнать. А еще я разбил мячом стекло в подвальном помещении.

— Мальчик, — сказал милиционер, — кто тут у вас квартироуполномоченный?

— Я, — сказал мой папа очень тихо.

Остальные жильцы столпились позади нас. Не было только «Благодарю за внимание» и дяди — дядя был у нас в гостях, он сидел в комнате.

— Граждане, пройдите в сторону! — сказал милиционер. — Скажите, товарищ, — обратился он к моему отцу, — у вас проживает гражданин по кличке «Благодарю за внимание»?

— И еще по кличке «Мэри Пикфорд»! — проревела басом женщина-баобаба. Она это так проревела, что все вздрогнули.

— «Мэри Пикфорд» не знаю, — сказал папа, — а «Благодарю за внимание» у нас.

— Пройдемте, — сказал милиционер.

Папа повел всех в дальний конец «проспекта», туда, где рядом с кухней была дверь «Благодарю за внимание». Из-за двери, как всегда, шел неприятный запах. Милиционер постучал. За дверью раздался кашель, а потом скрипучий голос произнес:

— Чем обязан? Я уже сплю...

— Милиция! Потрудитесь немедленно открыть! — сказал милиционер.

В наступившей тишине было слышно, как в комнате зашаркали шлепанцы. Я стоял возле самой двери. Потом дверь открылась и... тут началось что-то невообразимое!

— Это он! — взревела женщина-баобаб.

— Прохиндей! — взвизгнула маленькая.

— Вот! Вот, что он со мной сделал! — крикнула женщина-великан и сорвала с головы платок.

Женщина-баобаб и маленькая женщина тоже сорвали платки. И тут все увидели нечто ужасное: лица женщин были покрыты какими-то разноцветными пятнами.

— Господи! — всплеснула мама руками.

— Я убью его! — ревела женщина-баобаб.

— Благодарю за внимание! — пискнул «Благодарю за внимание». — Чем обязан?

— Как тесен мир! — вздохнула моя бабушка.

— Что такое?! — кричал дядя. Он шел к нам по «проспекту».

— Граждане, давайте не будем! — сказал милиционер. — Пройдите на кухню! А вы с нами, — обратился он к моему папе.

Женщины тем временем ворвались в комнату. За ними вошли Афоня, милиционер и мой папа. Я тоже хотел прорваться в комнату, но Афоня вежливо отстранил меня и закрыл дверь. Я успел только увидеть, как «Благодарю за внимание», который был в одном белье, яростно отбивался от женщин.

Мы все пошли на кухню, которая была рядом. Это был необычный Большой Хурал! Я его никогда не забуду! Все сидели как на иголках. Вы представляете себе, что значит сидеть как на иголках. Я это с тех пор прекрасно представляю. Сидеть как на иголках это значит сидеть на стуле, на столе или просто на полу, но очень волноваться. Это значит — не находить себе места и все время ерзать от нетерпения. Так мы и сидели: кто на стуле, кто на столе, кто на подоконнике, — и все как на иголках. Я тоже сидел как на иголках. Единственный, кто не сидел как на иголках, это был мой дядя: он стоял и спокойно курил свою трубку.

Все прислушивались к тому, что творилось в соседней комнате. Я тоже старался понять, о чем там говорили. Разобрать можно было только обрывки фраз:

— ...ничего не знаю... дворянин... дом на Моховой... ...бальзам «Мэри Пикфорд»... экзема, а не бальзам!.. аптека... бог шельму метит... из-под полы... ничего не знаю!.. а это ты знаешь? (тут что-то стукнуло об пол)... прохиндей, прохиндей, прохиндей... пардон, мадам... элой... алоэ...

Я ничего не понимал. Что такое «бальзам Мэри Пикфорд»? А «бог шельму метит»? А «элой»? Я посмотрел на дядю: он спокойно курил свою трубку. Я опять прислушался:

— ...чтоб скитаться вам по белу свету... Соловки... вот! вот! вот!.. банки, склянки, алхимия... держите комод! (опять что-то грохнуло об пол и разлилось мелкими колокольчиками)... не позволю!.. триста тысяч... нотабене... (треск пощечины)... благодарю за внимание!..

успокойтесь, а то я вас выведу!.. толковал Апокалипсис...

Что значит «толковал Апокалипсис»? — подумал я. В наступившей тишине я узнал голос милиционера:

— ...так как трудно их объяснить, то ограничимся фактом...

И опять тишина. И опять голоса:

— ...обратите внимание: двенадцать спящих дев!.. адские смеси... прохиндей прохапнулся... (тут раздался страшный взрыв и из комнаты повалил дым...)

Все вскочили. Дядя спокойно вынул изо рта трубку:

— Эй! — сказал он громовым голосом. — Там все в порядке?

Дверь открылась. Из нее вышли Афоня и три женщины: женщины были снова закутаны. Они сразу пошли к выходу на лестницу.

Кто-то из них тихонько плакал — наверное, маленькая.

— Все в порядке! — сказал, улыбаясь, Афоня. — Ну и тип! Сейчас все кончится, — и пошел за женщинами.

— Какое несчастье! — сказала мама.

— Это счастье! — сказал дядя. — Великое счастье! Наконец-то его прищучили!

— Вот вам и сальдо! — сказал бухгалтер.

— Короткое замыкание! — сказал монтер.

— Попался на удочку! — сказал дядя.

— А что такое «элой»? — спросил я.

— Ты еще здесь? — удивилась мама. — Иди спать!

— Я не хочу спать!

«Прищучили! — подумал я. — Так вот как он попался на удочку!»

В это время открылась дверь и из нее вышли «Благодарю за внимание» (он же «Мэри Пикфорд»), за ним милиционер с портфелем, а за ними папа.

Милиционер повернулся и прислонил портфель к стенке. Портфель стал очень толстым. Потом милиционер запер дверь, положил в карман ключ, вынул из кармана веревочку, спички и что-то красное... это был сургуч! Милиционер зажег спичку, растопил сургуч и наляпал его на косяк двери. Веревочку он продел сквозь ручку двери и оба конца ее втиснул в сургуч, припечатав какой-то печатью — как посылки на почте.

Папа ему помогал. Все стояли в глубоком молчании. Я посмотрел на «Благодарю за внимание». Он стоял в углу, возле двери. Какая же он Мэри Пикфорд? Мне стало смешно! Он был в своем рыжем пальто, рыжей шляпе и калошах «прощай, молодость». Он курил и смотрел в пол. Руки у него тряслись. В одной руке он держал уzelок.

— Все! — сказал милиционер. — Извините за беспокойство!

— Оревуар! — проскрипел «Благодарю за внимание» (он же «Мэри Пикфорд»), приподнял над головой шляпу и пошел по «проспекту» впереди милиционера. Хлопнула входная дверь.

Папа прошел на кухню и сел на стул.

— У нас в Торжке... — начала было певичка.

— Что, в сущности, произошло? — перебил бухгалтер.

Все посмотрели на папу.

— Продавал какой-то крем для лица, — сказал папа. — Варил и продавал. Бальзам «Мэри Пикфорд». Из-под полы в аптеках. Какую-то дрянь. И изуродовал всех этих женщин...

— Уж эта мне Мэри Пикфорд! — сказал монтер. — Все женщины хотят быть похожими на нее!

— Что вы говорите! Я вовсе не хочу быть на нее похожей! — сказала мама.

— Вы и так красивы! — сказал монтер.

— Благодарю за комплимент! — сказала мама.

— А кто такая Мэри Пикфорд? — спросил я.

— Американская кинозвезда! — сказал бухгалтер. — Я видел ее. Вот это женщина!

— Я всегда говорила, что нельзя покупать у частников! — сказала бабушка. — Надо покупать у государства!

— Жаль человека! — вздохнула мама. — Что теперь с ним будет?

— Кого жаль? — закричал дядя. — Я таких расстреливал в семнадцатом! Капиталист! Саботажник! Вурдалак проклятый! Мы с такими не цацкались!

— Триста тысяч, — сказал папа. — Триста тысяч нашли в чулке...

— Подумать только! — сказала певичка. — А у нас в Торжке...

— Я давно говорил, что это темная личность! — перебил дядя. — Двадцать лет варил свою дрянь! Неизвестно, чем он еще занимался!

— Но что с ним будет теперь?

— Ничего не будет! Будет работать! Мы с такими не цацкались...

— А что такое «толковал Апокалипсис»? — спросил я. — А «нотабене»?

— Хватит! — сказал дядя. — Хурал закрыт!

— Подробности не имеют значения! — сказал папа.

Все засмеялись.

— А у нас в Торжке... — начала было певичка.

Но ее уже никто не слушал.

ТАМ, ВДАЛИ ЗА РЕКОЙ...

Мы уже месяц жили на даче в Мамонтовке, а дяди все не было и не было! Он совсем о нас позабыл. Главное, что он никуда не уезжал — он сидел в Москве. «Чего он там так долго сидит?» — думал я. Мне это было непонятно. Я скучал без дяди. Хотя, в общем-то, мне не было скучно: я купался, ловил рыбу в Уче, а главное — ходил на охоту! У меня теперь была настоящая мелкокалиберная винтовка! Ее мне подарил дядя, когда я перешел

в пятый класс. На охоту я ходил вместе с Чангом. Мы все искали с Чангом какую-нибудь утку. Что это за охота — без утки. Все настоящие охотники всегда стреляют уток. Или глухарей. В общем, дичь. Но дичи почему-то не встречалось. И зайцев тоже не встречалось. И лисиц не встречалось. И волков не встречалось. Не говоря уже о кабанах.

Зато летало много маленьких птичек. Но я в них не стрелял — мне их было жалко. И дядя запретил в них стрелять. А еще было много ежей. В них я тоже не стрелял — за ежами охотился Чанг. Сам бы я никогда не нашел столько ежей, а Чанг находил их десятками. Но он их тоже не трогал — он их боялся. Потому что они кололись. Чанг выкатывал их лапой из-под маленьких елок и лалял на них, как сумасшедший. Он мог лаять на них без конца! Глаза у него становились безумными, он припадал на передние лапы и лалял, лалял, лалял... Он совсем охрип от этого лая. А ежи лежали,

свернувшись в клубок, и душа у них, наверное, уходила в пятки. Нескольких ежей я принес домой, они жили у меня в ящике на террасе. А потом я выпустил их в лес, потому что они мне надоели. Все это было не то. Я все просил Чанга найти мне какую-нибудь дичь, но он не хотел. Или не мог. А может быть, ее просто не было.

Зато я стрелял ворон, потому что дядя решил мне стрелять ворон. Но и в этом было мало радости, потому что ворон не едят. Чанг, правда, их ел. Но я-то не ел! Потому что это не дичь.

И еще я здорово стрелял просто так — в какую-нибудь цель. Я мог срезать пулей малюсенькую веточку на верхушке самого высокого дерева — вот как я стрелял!

Но что в этом было толку, если не было дичи.

Поэтому я очень ждал дядю — дядя непременно бы что-нибудь придумал. Мы пошли бы с ним далеко-далеко, на какое-нибудь болото или озеро, и нашли бы там уток. В этом я не сомневался. Поэтому я так ждал дядю. И папа говорил, что дядя скоро придет. Просто дядя был очень занят. Папа часто виделся с дядей, потому что ездил на работу в Москву. А мама не ездила, она работала дома, на даче. Мама писала статьи для журнала. Моя мама была журналист.

А еще папа сказал, что в Москве сейчас все говорят об Испании. В Испании началась гражданская война. Там подняли голову фашисты. Там поднял мятеж какой-то генерал Франко. Он поднял мятеж в Испанском Марокко, а потом высадился на юге Испании. Я видел этого генерала в газете: такой противный, маленький, пузатый генерал с толстым носом! Такой же противный, как те белые генералы, которые нападали когда-то на нашу молодую Страну Советов. Ведь у нас тоже была гражданская война. В ней участвовал дядя. И папа в ней тоже участвовал. И мама участвовала. Но это было давно. Мы всех белых давно разбили и установили у себя Советскую власть.

Я шел и думал об Испании. Я шел домой после охоты. Впереди, по тропинке через луг бежал Чанг, все время останавливаясь и поджидая меня, а я не спеша шел сзади, глубоко задумавшись. На поясе у меня висел патрон-таш, набитый патронами, одной рукой я придерживал на плече винтовку, а другой рукой держал за крыло убитую ворону и сшибал ею белые одуванчики.

«Как жаль, что эта ворона не генерал Франко! — думал я. — Как хорошо было бы всадить пулю в лоб этому генералу Франко! Жаль, что я не в Испании! И вообще-то мне не везет! Когда гражданская война была у нас, меня не было на свете. А сейчас, когда мне исполнилось двенадцать и у меня есть настоящая винтовка, гражданская война началась где-то в Испании! Действительно не везет! Уж не везет, так не везет! Попасть бы мне в Испанию, я бы им дал жизни, этим фашистам! Это вовсе неважно, что мне только двенадцать! Зато у меня есть винтовка, а у испанцев мало оружия — так говорил папа, и в газетах так было написано — меня бы приняли! Меня бы приняли на войну! Никто не обратил бы внимания, что мне двенадцать. Я бы держал себя очень солидно. В крайнем случае, я бы два года накинул — сказал бы, что мне четырнадцать. И командовал бы полком! Командовал же полком Гайдар, когда ему было четырнадцать лет. Правда, он сказал, что ему шестнадцать. Ну, а я бы сказал, что мне четырнадцать и на худой конец стал бы снайпером — тоже неплохо! Стреляю-то я здорово! Я бы убил много фашистов. Целую кучу! Вот бы обрадовался дядя! «Молодец! — сказал бы дядя. — Вот это ты молодец! Вот это *этвас!*» Эх, попасть бы в Испанию!»

Я не спеша шел по тропинке, размахивая убитой вороной, как трупом генерала Франко, и сшибал белые одуванчики. Я сшибал их, как будто они вовсе не одуванчики, эти белые одуванчики, как будто это просто белые генералы, просто белые, просто белые... белые... просто враги... просто фашисты... просто белые — вот!

Я так развоевался, что даже не заметил, как подошел к дому. Наш дом стоял на самом краю деревни. Я увидел на террасе бледный свет керосиновой лампы, потому что уже начинало смеркаться — закат догорал — и силуэты каких-то людей в саду перед домом, и услышал радостный лай Чанга, и еще голоса...

— Доннерветтер! На место! — услышал я вдруг...

Когда я влетел в калитку, дядя стоял на тропинке, ведущей к террасе, широко расставив ноги и растопырив руки, и когда я налетел на него, он схватил меня в свои железные объятия и поднял на воздух, вместе с винтовкой и вороной.

— Ты где пропадал! — кричал дядя. — Я жду тебя целый час! Поздоровайся! — и поставил меня на землю.

Позади дяди стояли гости. Двух я знал — Ломидзе и Власова — это были дядины друзья. Но там было еще несколько человек.

— Познакомься, — сказал дядя, — мои друзья: Сайрио, Вайнберг, Суслин, Бауэр...

— Миша, — сказал я.

Я по очереди пожал каждому руку.

В петлицах у дядиных друзей были красные гвоздики. У дяди в петлице тоже была гвоздика. Гвоздика — это революционный цветок, я это знал. Дядя очень любил гвоздику.

— Пойдем к столу, — сказал дядя. — Мы ждали только тебя. *Сегодня я уезжаю...*

Я чуть не выронил от неожиданности винтовку.

— Куда? — спросил я, совсем позабыв, что дядя не любил, когда его спрашивали «куда».

— Не закудыкивай дорогу! — засмеялся дядя. — Не закудыкивай!

— Надолго?

— Надолго. Может быть, очень надолго...

— А как же охота? — Я совсем растерялся. Я быстро-быстро заморгал глазами. Дядя обнял меня за плечи.

— Товарищи! — крикнул он. — Идите к столу, а мы с Мишей сейчас! *Пойдем*, — сказал он мне, — *нам надо поговорить...*

Мы прошли с дядей в самый дальний угол сада, туда, где в кустах сирени, под смолистой разлапистой елью стояла узкая некрашенная скамейка. Вся земля вокруг была усыпана еловыми иглами, еще прошлогодними, и шишками. Здесь было *наше местечко*. Здесь мы часами беседовали с дядей. С тех пор, как я помню себя, я помню эту скамейку, потому что много лет подряд мы жили на этой даче.

Мы сели на скамейку. Чанг тоже пришел — он сел подле дяди и уткнул ему морду в колени.

Я посмотрел на дядю: он был очень серьезным.

— Ты знаешь, что происходит в Испании?

Я кивнул.

— Я должен сообщить тебе один секрет: я еду в Испанию...

У меня дух захватило от этих слов.

— Драться с фашистами?

— Драться с фашистами.

— А я?

— А ты будешь здесь. С мамой. С папой. И с бабушкой. И с Чангом...

— Я тоже хочу в Испанию! — крикнул я.

— *Доннерветтер!* — сказал дядя. — *Слушай меня.*

Он сказал это очень значительно.

— *Слушай меня внимательно: об этом никто не должен знать! Никто!* Я доверяю тебе эту тайну, потому что верю в тебя. Ты уже взрослый. Я знаю, что ты никому не скажешь. Так надо. *Это приказ!*

Мы помолчали.

— А мама знает?

— Знает, — сказал дядя. — И папа знает. И бабушка. И мои друзья, старые большевики, которые приехали меня провожать. *Все они знают, но делают вид, что не знают. И ты будешь делать вид, что ничего не знаешь. Как будто я на курорте... Ясно?*

— Ясно! — сказал я.

— Повторите приказ!

— Я знаю, что вы едете на курорт! — сказал я.

— Вот именно! — сказал дядя.

Он обнял меня и поцеловал.

— Ты не горюй! — сказал он. — Твое время придет! Придет еще твоё время. А пока еще время мое. Я еще не расквитался со всей этой

сволочью. А ты учись. Математике. И стрелять учись. И рисуй. И заботься о Чанге — я оставляю его тебе, — он погладил Чанга по голове.

— А как же Север? — спросил я тихо. — Мне скоро тринадцать.

— Когда я вернусь, — сказал дядя. — Когда я вернусь, мы поедем на Север. Мы еще с тобой поохотимся!

— Ты уж вернись! — сказал я. — Поскорей.

— Вернись! — сказал дядя.

Он встал и обнял меня за плечи.

Мы пошли, обнявшись, к светящейся террасе, через огромный вечерний сад. Уже стало темно. Далеко на западе догорала заря. Там все было красное-красное, такое зловещее. Мы шли с дядей медленно, крепко обнявшись, шли медленно-медленно, и вдруг дядя запел, очень тихо, как будто не пел, а просто так говорил:

— «Там, вдали за рекой, зажигались огни, в небе ясном заря догорала, сотня юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля поскакала...»

Я тоже стал подпевать дяде:

— «Они ехали долго в ночной тишине по широкой украинской степи. Вдруг вдали у реки засверкали штыки — это белогвардейские цепи. И без страха отряд поскакал на врага. Завязалась жестокая битва. И боец молодой вдруг поник головой — комсомольское сердце пробито...»

Я шел рядом с дядей и тихонько подпевал, и в носу у меня немножко щипало, потому что хотелось плакать.

— «Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи: «Ты, конек вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за рабочих»...

Я вспомнил, как плакал от этой песни раньше, когда был совсем маленький. Мне очень жалко было молодого бойца. Я все волновался — сумеет ли конь передать, что его хозяин честно погиб за рабочих? И как он это передаст? А дядя все успокаивал меня, объяснял, что вороной непременно передаст, потому что это не простой конь, а ученый... А теперь молодой боец стал старым бойцом, потому что он вовсе не был тогда убит, он был просто ранен, и теперь, когда он стал старым и мудрым, он опять отправляется в бой...

И плакать нельзя, потому что я уже взрослый...

— «Там, вдали за рекой, уж погасли огни, в небе ясном заря загоралась. Капли крови густой из груди молодой на зеленую траву сбежали...»

— Ну что вы так долго! — крикнула мама.

Мама стояла на ступеньках террасы, освещенная сзади колеблющимся светом керосиновой лампы и лица ее не было видно, вся

она была темная, только волосы вокруг голывы светились, как темное золото. Но даже сейчас, даже силуэтом своим, мама была красива...

— Что вы там делаете? — спросила она.

— *Этвас!* — сказал дядя, поднимаясь на ступеньки крыльца.

— Вечно у вас секреты! — сказала мама. — Как только не стыдно! Все давно уже ждут!

На террасе было шумно и весело. Все сидели вокруг стола. Стол был заставлен едой и бутылками. Большая лампа-молния висела под потолком над серединой стола. Вокруг нее кружились ночные бабочки. Все на столе сверкало.

Мы с дядей тоже сели за стол. Я сел рядом с дядей, во главе стола. Напротив нас, на другом конце, сидели папа и мама. А по бокам сидели дядины друзья — Сайрио, Суслин, Ломидзе, Вайнберг, Власов и Бауэр. И бабушка.

— Ну, — сказал дядя, когда мы уселись, — кто будет тамадой?

— Ломидзе! — сказала мама. — Кому же еще?

Тамада — это председатель собрания, так потом объяснил мне дядя.

— Ломидзе! Ломидзе! — закричали все.

Ломидзе встал. Это был большой, толстый усатый грузин. Он встал над столом, как скала. В руке он держал бокал, полный вина.

— Нико-лай вто-рой Рома-нов, — запел вдруг Ломидзе громовым голосом, — водела-ран-нуа! Предводитель хулиганов, водела-ран-нуа!

Все расхохотались.

— Доннерветтер! — заорал дядя. — Ты помнишь?

— Ночь в горах! — сказал Ломидзе. — Елисаветполь! Князь Шервашидзе! Жандармы! Прошу внимания!

Все замолчали.

— Где соль? — крикнул Ломидзе.

— Она перед вами! — сказала бабушка. — Соль перед вами!

Ломидзе взял в левую руку солонку.

— Что главное в человеческой жизни? — спросил Ломидзе и обвел всех торжественным взглядом. — Главное — это соль! Сколько съешь с человеком соли! Вот что главное! Теперь вопрос: зачем мы здесь собрались? Я думаю, что не ошибусь, если скажу: мы все здесь собрались, чтобы отправить одного человека на курорт...

(Смех. Аплодисменты.)

— Генацвале! — крикнул Ломидзе. — Скажите мне: хорошо ли мы знаем этого человека? Вон того, который сидит рядом с юным

большевиком Мишей? Заслуживает ли он, чтобы отправить его на курорт?

(Крики: «Заслуживает! Заслуживает!»)

Я тоже крикнул: «Заслуживает!»

— Сейчас мы решим! — сказал Ломидзе. — Надо выяснить, сколько мы съели с ним соли. Прошу давать краткие справки, чтобы не задерживать собрание: где, когда и сколько соли!

(Аплодисменты.)

— Начнем по часовой стрелке: ваше слово, товарищ Сайрио!

— 1909 год! — сказал Сайрио. — Ссылка в Сибири! — он подумал. — Пуда три соли!

— Выпьем за эту соль! — сказал Ломидзе.

Все выпили. И я тоже выпил — дядя налил мне вина с водой.

— Слово имеет товарищ Суслин!

— 1924 год! — сказал Суслин. — Каракумы. Особый отряд по борьбе с басмачами! И еще Магнитогорский металлургический, 30-й год! Восемь пудов!

— Выпьем за эту соль!

Все опять выпили. И я тоже.

— Товарищ Бауэр!

— Германия! — сказал Бауэр. — 19-й год. Четыре пуда!

— Выпьем и за эту соль!

— Не хватит ли? — сказала мама.

— Чего, соли? — спросил Ломидзе.

— Не соли, а вина! — улыбнулась мама.

— Кто тамада? — сказал Ломидзе. — Ваше слово, товарищ Вайнберг!

— 31-й год, Поволжье. Кампания по борьбе с голодом. Соли почти не было, поэтому грамм... грамм сто!

— Это тяжелая соль! — сказал Ломидзе. — Сто грамм такой соли весят пудов пять! Выпьем!

— Боже мой! — сказала бабушка. — Как это все ужасно!

— Слово сестре! — сказал Ломидзе.

— О, — вздохнула мама. — Я уж не помню сколько! Наверное, вагон.

— И какова соль?

— Чрезвычайно соленая! — сказала мама. — Очень!

— Добавляю от себя десять пудов! — сказал Ломидзе. — В разное время. Итого: один вагон и тридцать два пуда! Я полагаю, хватит...

(Бурные аплодисменты. Крики: «Хватит, хватит!»)

— Не хватит! — крикнул я. — Еще двадцать пудов! На рыбалке! И в кино! И дома!

— Итого один вагон пятьдесят два пуда! — крикнул Ломидзе. — Вполне достаточно, чтобы отправить на курорт человека! (Смех. Апло-

дисменты.) Итак, дорогой Петя, поезжай! Отдохни там за всех нас! Но смотри, не перегарься — там будет жарко! Очень жарко! И так, за отъезд!

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Крики «ура!»)

Я тоже встал и крикнул «ура!» Мне было как-то странно — и грустно, и весело...

— Дядя, — спросил я шепотом, — там очень жарко, в Испании?

— Смотри когда. Сейчас жарко.

— Дай-ка прикурить, — сказал Сайрио.

Дядя вынул из кармана новенькую зажигалку и чиркнул.

— Ой, — сказал Сайрио, — зажигалка! А где ты достал кремень?

— Достал! — подмигнул ему дядя. — Кремень и Кремль — очень близкие вещи!

— То-ва-ри-щи! — это кричал папа. — Товарищи, прошу слова!

— Слово для доклада имеет великий молчалик! — сказал Ломидзе.

Все посмотрели на папу.

РЕЧЬ МОЕГО ПАПЫ

Мой папа встал. Сначала он подмигнул дяде, а потом стал говорить. Я никогда не слышал, чтобы папа так долго говорил. Это была целая речь.

— Да, я великий молчалик! — сказал папа. — Я умею молчать... Но сейчас я скажу! Я скажу!.. Вон тот человечик, вон тот, который сидит рядом с моим сыном... вы знаете, что это за человек? Это великий рассказчик! Я великий молчалик, а он великий рассказчик! Почему? Потому что он покоряет людей! Своими рассказами! Он даже врагов покоряет! О, это страшный человек! Сейчас я расскажу! Это было давно, в восемнадцатом году... мы еще не были с Машей женаты... (папа обнял мою маму)... Маша была моей невестой... И Петра я уже знал, но плохо... И вдруг он покорил мое сердце! Знаете чем? Сейчас я расскажу.

Мы шли втроем через линию фронта... Маша, Петр и я... в восемнадцатом году... почему?.. подробности не имеют значения! Но мы напались, напались на белый патруль! Нас повели в штаб. Там на нас стали орать. Белые офицеры. На Машу. На меня. И на Петю. Они хотели нас расстрелять! Но это к слову, подробности не имеют значения... вы знаете, что стал делать Петр? Он стал показывать фокусы...

— Какие фокусы? — спросил я.

— Это неважно! — папа махнул рукой. — Подробности не имеют значения! Он стал рассказывать про свою бабушку...

— Про мою мать? — спросила бабушка.

— Про свою бабушку-графиню! — крикнул папа.

— Про какую графиню? — удивилась бабушка. — У нас не было никаких графинь!

Все засмеялись.

— Прошу не перебивать! — Ломидзе постучал по графину вилкой.

— Он стал рассказывать про бабушку-графиню! И про дедушку-графа. Как они умирают у красных! Все чуть не заплакали... И Маша чуть не заплакала! Так это было трогательно... Ты помнишь?

— Помню! — кивнула мама. — Я все помню...

— И нас отпустили! Петя просто всех покорил. Он врагов покорил... Но это подробности, дело не в них... Дело в том, что он великий рассказчик... я это понял в ту ночь... Если б не эти фокусы, я бы сейчас тут не стоял! И никого бы из вас тут сейчас не было!

Папа на секунду умолк и опять подмигнул дяде.

— А как он рассказывает о Полярном человеке? А? А об этой штуке? А про эту? Да что там говорить! Подробности не имеют значения! Хотя все дело именно в них! Именно в них! Я никогда не умел так рассказывать...

— Но ты рассказал прекрасно! — мама подняла руку. — Давайте споем!

— Давайте споем! — крикнул папа. — И выпьем! За великого рассказчика! И за курорт!

¡ NO PASARAN!

Итак, мы остались одни... Дядя уехал! Мы проводили его до платформы в Мамонтовке. До Москвы он ехал вместе с друзьями, а уж дальше — в Испанию — он поехал один. Как

он там дальше поехал, я не знаю — об этом он мне ничего не сказал.

Провожали его хорошо. Поздно ночью шли мы лесом на станцию, к последнему поезду.

По дороге мы пели старые революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу!» и «Беснуйтесь, тираны!», «Наш паровоз, вперед лети!» и «Колодники». И еще другие песни.

А еще мы стреляли. Все стреляли. Даже мама. И я тоже стрелял. Только бабушка не стреляла, потому что она старенькая и не умеет стрелять. И потому, что она не ходила на станцию.

А стреляли мы вот как.

Когда мы шли через лес на станцию, светила большая луна, было очень светло и тихо. Мы шли по безлюдной дороге и пели, и смотрели на звезды и на луну, и вдруг я увидел на дереве змея. Маленького бумажного змея на дереве. Я его первый увидел. Он висел высоко-высоко, над самой дорогой, на верхушке сухого дерева. Со мной была винтовка, и я сказал:

— Надо этого змея сшибить!

И дядя сказал:

— Сшиби!

Я прицелился и выстрелил. Но в змея я не попал. Чего уж там врать — не попал да и все! Мне просто не повезло.

А Ломидзе сказал:

— Сейчас я его тебе сшибу! — и достал из кармана револьвер.

Мама сказала:

— Бросьте! Как вам не стыдно! Действительно, дети!

А Ломидзе сказал:

— Тряхнем стариной! Становись!

И папа тоже сказал:

— Тряхнем! Подробности не имеют значения!

И тут все достали оружие и стали палить в этого змея. Такая пальба поднялась! Как на войне! Вот было здорово! Змей так и дергался от каждого выстрела на веревке — на своем хвосте — но не падал.

— Ну-ка, Мария, теперь ты! — сказал дядя.

И мама сказала:

— Ну, так и быть! Чтобы вы успокоились!

Дядя дал маме свой браунинг, мама прицелилась и выстрелила... и змей слетел! Потому что мама попала прямо в хвост — в тоненький веревочный хвостик — и срезала его пулей!

— Вот как надо стрелять, — сказала мама.

Дядя обнял маму и сказал: «Раскрасавица ты моя! Ворошиловский стрелок!» А Ломидзе поцеловал маме руку.

Я радовался больше всех. Я никогда не думал, что мама так хорошо стреляет. Вот это мама! Молодец моя мама!

Я поднял этого змея, всего изрешеченного пулями, и взял его с собой на память.

Вот как я провожал дядю. Эти проводы я

запомнил на всю жизнь. Я вообще хорошо запомнил все это лето. Потому что оно было особенное.

Жили мы в это лето спокойно. Когда дяди долго не было, у нас всегда было спокойно. Никаких приключений не было. Все шло своим чередом. Но это только так — внешне. А внутренне мы все чувствовали себя очень беспокойно. Даже Чанг, Чанг стал нервным, он плохо слушался, а иногда принимался выть по ночам, как настоящий волк. Он переживал разлуку с дядей. Мы все переживали эту разлуку.

Каждое утро я бегал на станцию за газетами. Никогда я не читал столько газет! Читал я их, в основном, с бабушкой. Бабушка всегда любила читать газеты, а с тех пор, как дядя уехал в Испанию, бабушка читала их день и ночь. Мы все искали с бабушкой что-нибудь про дядю. Но про дядю ничего не писали. А про других писали — про бойцов

интернациональных бригад. Про таких же революционеров, как мой дядя и его друзья. Это были настоящие герои. До сих пор я помню их имена. Бойцы интербригад приехали в Испанию со всего мира — помогать испанскому народу. Многие из них пробирались в Испанию на свой страх и риск, в одиночку. Они добивались тайком до Франции — кто в парходном трюме, кто в товарном вагоне, кто как — а из Франции уже переходили в Испанию через границу. Но все-таки их было мало. И оружия им не хватало. А фашистов было больше. И оружия у них было больше. Фашистам помогали Гитлер и Муссолини — они посылали в Испанию войска, танки, самолеты. Все больше самолетов, все больше танков, все больше войск. Они делали это сначала тайком, а потом и открыто. Они совсем обнаглели! Они заливали кровью испанские города, убивали мирных жителей и детей. Они рвались к столице Испании — Мадриду. Обстановка в Испании была очень тревожной. «*No pasaran!*» — говорили в Испании. Это такой лозунг. Это

значит «Они не пройдут!» Не только в Испании так говорили — так весь мир говорил. Все честные люди.

И все же им удалось пройти. В те годы им удалось. Им удалось в Испании и в других странах. Потому что многие им помогали. А многие, которые не помогали, смотрели на них *сквозь пальцы, то есть не вмешивались*. Они до тех пор не вмешивались, пока фашисты не заняли почти всю Европу. Это все было очень страшно.

Они даже к нам сунулись! **НО У НАС ФАШИСТЫ НАШЛИ СВОЙ КОНЕЦ!** Мы им дали, этим фашистам! Мы им так дали, что они не собрали костей! И тогда настал День Победы.

Когда я сейчас вспоминаю День Победы, я всегда думаю: как жаль, что дядя не дожил до этого дня! Вот бы он обрадовался! Мало сказать — обрадовался! Это было бы для него нечто большее, чем просто радость. Это было бы *этвас*, настоящее *этвас*! Но мой дядя не дожил. Уж так получилось.

ДАЛЬНИЕ ПОЕЗДА

Я сидел в комнате и рисовал. Ветви яблонь скребли в окно дачи, дул ветер, и было холодно. А еще было слышно, как падали яблоки — они глухо ударялись о землю и звонко о крышу. Бабушка грелась у печки и вязала носки, мама писала статью, а Чанг спал, свернувшись клубком на подстилке. А я рисовал. Я всегда рисовал в плохую погоду.

Я рисовал Испанию: яркое солнце, яркое небо, яркие горы и яркие апельсиновые рощи с оранжевыми апельсинами. И войну. Я рисовал атаку республиканских войск и бегущих фашистов, и воздушный бой в синем безоблачном небе. Все у меня получалось неплохо, только не получался дядя. Я хотел нарисовать дядю, но дядя не получался похожим... Немножко был он похожим, но все же не очень похожим...

В печке трещали дрова, а в трубе завывал ветер. Вся дача гудела от ветра.

— Пойди посмотри, — сказала мама. — Там кто-то пришел...

— Это ветер, — сказала бабушка.

И мне не хотелось отрываться от рисунка...

— Там кто-то вытирает ноги! — сказала мама.

— Это ветер вытирает ноги! — засмеялся я. — Осень...

И вдруг меня осенило:

— Дом слышит шум и шорох на пороге, ах,

это осень вытирает ноги! Ну, как? — спросил я. — Это стихи!

— Прекрасно! — сказала мама. — Ты запиши...

Я взял чистый листок. Но тут вскочил и залаял Чанг. В дверь постучали.

— Да-да! — сказала мама. — Войдите!

Я схватил Чанга за ошейник, дверь открылась, и в комнату вошел человек.

Человек был похож на летчика. В те годы летчики были очень популярны. В газетах писали не только про Испанию — много писали про летчиков. Про Чкалова, про Громова, про Коккинаки. Они летали через Северный полюс в Америку. И поднимались в стратосферу! Выше всех! Они гремели на весь мир, наши летчики.

Я сразу узнал в этом человеке летчика. Он был в обыкновенной кепке, но в кожаной куртке с молниями, в сапогах... Он был похож на Чкалова: такое же суровое лицо с глубокими складками возле рта, с прямым носом и крутым подбородком. Он сразу понравился мне своей улыбкой.

— Поди, отыщи вас! — сказал он. — Я от Феденко, Петра Ивановича! По-моему, я не ошибся?

— Боже мой! — прошептала мама.

Она вскочила и стояла бледная, как полотно, прижимая руки к груди. Бабушка тоже вскочила, выронив спицы...

— Боже мой! — повторила мама. — Но вы садитесь, садитесь... Хотите чаю?

— Прошу меня извинить! — сказал человек. — Я очень спешу... Я вас так долго искал. Я привез письмо, — он сел, достал из куртки письмо.

Чанг опять зарычал.

— Ну-ну! — сказала мама. — Это свои...

Мама опустила на стул, вскрыла конверт и стала читать. Мы с бабушкой смотрели ей через плечо.

Вот это письмо... даже не письмо, а записка...

«13 августа 1936 года.

Тардиента.

Крепко обнимаю и целую вас, дорогие мои! Как вы там все? Целую вас крепко! Как Миша? Надеюсь, что он молодцом... Привет Чангу... Между прочим, у меня тут опять собака — перебежала к нам от фашистов, не захотела быть фашистской! Прекрасный пес, образованный! И совсем не боится огня... Я здоров, чувствую себя хорошо. Здесь очень жарко, конечно, «в высшем смысле»... Меня окружают прекрасные люди... Передаю эту записку с *оказией*, не знаю, дойдет ли... На этом кончаю — сейчас мы идем в атаку... Держитесь, скоро увидимся! No rasagan! Ваш Петр».

...Мама долго не могла ничего сказать. И бабушка. А я спросил летчика: «Вы Чкалов?» А он сказал: «Нет, я не Чкалов», — и улыбнулся.

Потом мы проводили летчика на станцию. Он действительно оказался летчиком. Фамилии его я не помню.

По дороге на станцию мама все спрашивала, как там, в Испании, как дядя? А летчик отвечал, что все хорошо, дядя ваш молодец. Что он там командует. Что все хорошо. И улыбался. И мы тоже сказали, чтобы он передал дяде, что у нас все хорошо. И все-таки толком он ничего не рассказал, а мы толком ничего не спросили. Потому что очень волновались. И спешили.

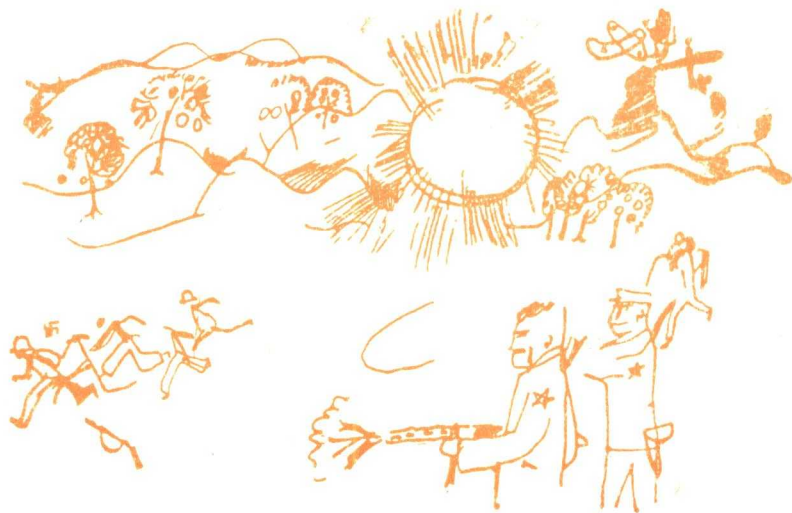
На станции летчик сразу сел в поезд и уехал. А мы еще долго стояли на платформе.

Мимо нас с грохотом проносились поезда: местные, товарные, дальние... Я особенно люблю дальние! Они не останавливаются на маленьких станциях, им некогда, они спешат далеко-далеко, они налетают, как вихрь, сливаясь в одну зеленую линию — как зеленые

черноголовые змеи — паровоз — потом вагоны, вагоны, вагоны, вагоны... — паровоз пыхтит и орет, а вагоны толкаются и стучат на стыках колесами, как сотнями ног, — и все они гуськом проносятся мимо — и вот уже пусто — только запах дыма да звон в ушах...

Поездам всегда машут рукой — счастливый путь! И я тоже машу рукой. И из вагонов мне тоже машут — счастливо, мол, оставаться!

Если б вы знали, как мне не хотелось оста-

ваться! Я тоже хотел ехать! Я хотел к дяде, в Испанию!

Через опустевшие рельсы уже переходят люди, они идут по своим делам, на базар или в лес по грибы — потому что утро и осень — а вон какая-то старуха тянет через линию корову, старуха тянет ее за веревку, а корова не идет, упирается, опустив рога, и трясет головой, и это очень смешно, но я не смеюсь, потому что мне не смешно... Корова боится, ей не нравятся запахи поездов, а мне очень нравятся запахи поездов...

Поезда прекрасно пахнут — они пахнут дорогой, дальними странами, пылью и ветром, и лесами, и морем, и апельсинами, и яблоками, и рыбой — чем только они не пахнут!

А еще мне кажется, что они пахнут Испанией...

Поезда давно уже нет, а мы все стоим и стоим, стоим и смотрим за семафор, туда, где сливаются рельсы, куда уехал летчик, и вдыхаем станционные запахи, и Чанг тоже вдыхает станционные запахи, а в руках мы держим газеты, которые мы купили в киоске, и Чанг тоже держит газету — в зубах, а потом мы идем домой.

Дорога от станции поднимается в гору, она

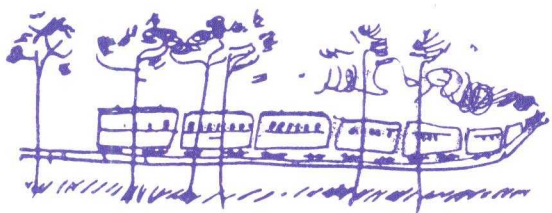
тянется ленточкой у подножия сосен, поэтому улица так и называется — Ленточка. Сосны шумят над дорогой под самыми тучами, они стоят высокие-высокие, как длинные великаны с маленькими кудрявыми головами, стволы у них совсем голые, почти до самой верхушки, снизу коричневые и серые, а выше красные и оранжевые, и желтые, как будто медные, и только на самой верхушке они увенчаны темной лохматой хвоей.

Сосны шумят... Красивые сосны. Интересно, растут ли в Испании сосны? Наверное, нет! В Испании растут оливковые деревья, и лавровые деревья, и апельсиновые, и кипарисы, и пальмы. Потому что там юг. А у нас север. И я опять вспомнил стихи, любимые дядины стихи, которые я вспоминал, когда дядя был в экспедиции ГЛАВСЕВМОРПУТИ: «На севере диком растет одиноко на голой вершине сосна...» Только тогда дядя был на севере, а я на юге. А теперь наоборот — я на севере, а дядя на юге... Вот как все в жизни меняется! У нас, конечно, север не дикий и сосны не одинокие — у нас много деревьев! Потому что у нас Подмоскowie. Я очень люблю Подмоскowie! И Испанию я тоже люблю, потому что ее защищает мой дядя. И потому что она

борется с фашистами. Но больше я все-таки люблю Подмоскowie! Потому что это моя Родина. Родину нельзя не любить, ее любят просто потому, что она Родина. Тут уж ничего не поделаешь. Тут уже баста. Этим все сказано. Люблю же я маму просто потому, что она мама. Вот она идет рядом со мной и тоже смотрит на сосны...

Я очень люблю Подмоскowie! Подмоскowie тоже север, хотя и не настоящий. Настоящий север находится там, за полярным кругом. Дядя говорил, что там никогда не заходит солнце. Вернее, оно никогда не заходит летом, а зимой никогда не выходит. Там очень интересно. Туда мы поедем с дядей, когда он вернется. И там дядя покажет мне *этвас* — нечто такое, чего не видал никто. И еще мы пройдем огонь, воду и медные трубы. Дядя-то их прошел! А я нет. Но это потому, что еще не пришло мое время. А оно придет обязательно. Хорошо бы пройти огонь, воду и медные трубы вместе с дядей. С ним было бы интереснее. Дядя опытный человек, он во всем этом прекрасно разбирается. С дядей хорошо — он во всем разбирается...

Шумят сосны. Шумят, шумят. Шумят себе сосны... А мы идем по дороге...

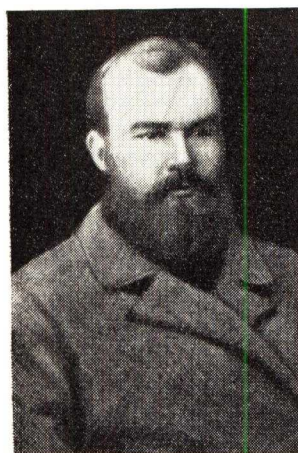
А. Михайлов

Н. Клеточников

Н. Оловенникова

В. Обнорский

**В ПРОШЛЫХ НОМЕРАХ «КОСТРА»
(№ 12 ЗА 1965 Г., №№ 1—4 ЗА 1966 Г.)
ВЫ ЧИТАЛИ ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ ИС-
ТОРИЧЕСКУЮ ПОВЕСТЬ М. ХЕЙФЕЦА
«КОНТРШПИОН».**

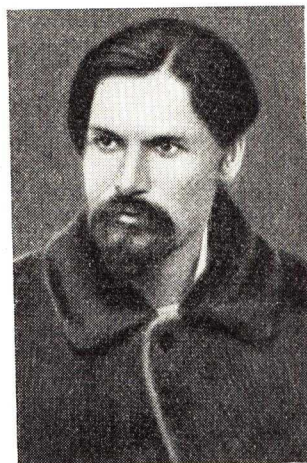
**ВЗГЛЯНИТЕ НА ЛИЦА ГЕРОЕВ ПО-
ВЕСТИ.**

Это — руководители организаций «Земля и воля» и «Народная воля». Они во многом ошибались. Они считали, что рабочий класс не может быть вожаком революционного движения. Они верили, что убийством царя можно что-то изменить, что оно послужит сигналом к всенародному восстанию...

Узнав о казни брата-народовольца, Владимир Ильич Ленин сказал: «Мы пойдем другим путем».

От рабочих марксистских кружков — к организации партии, к свержению власти капиталистов и помещиков и построению коммунистического общества — таков путь Революции.

Но мы никогда не забудем этих людей — отважных, чистых сердцем, жизни не пожалевших в борьбе за счастье народа.

С. Халтурин

Н. Морозов

А. Желябов

«Локтев из средневековой Голландии». Его изображением были украшены драгоценные билеты на чемпионат

ШАЙБА В ТРАВЕ

Говорят, когда-то женщины играли в хоккей. К сожалению, в последние годы они отошли от этой интересной игры. Современный хоккей с его силовыми приемами, с неизбежными синяками и шишками стал чисто мужским делом. Поэтому сражение, разыгравшееся на тихой улице Йове Илича в Белграде заинтересовало меня необычайно: мужская команда играла против женской! Да как играла — отыгрывалась! Вели в счете хоккеисты с косичками.

День был солнечный. Блестели свежей зеленью ивы и тополя, и шайба, вылетая в аул, терялась в молодой траве.

Март в Югославии похож на май у нас в Ленинграде или, скажем, в Новосибирске. И все же в дни первенства мира и Европы по хоккею на льду югославские ребята в перерывах между телевизионными трансляциями ухитрились вести свое нескончаемое первенство. Только это был хоккей на асфальте. Настоящий каток для юных жителей Юго-

ХОККЕЙ КАК БУДТО В МАЕ

А. Лосев

славии — редкая диковина, а вот роликовые коньки мальчишки и девчонки этой теплой страны освоили отлично и теперь доказывают, что на роликах можно и в хоккей играть...

От имени журнала «Костер» я наградил капитана команды-победительницы Ирену Маркович значком «Русский сувенир». Ирена пригласила меня зайти к ним в школу. К сожалению, я не мог — поезд в Любляну уходил через час.

— Тогда на обратном пути, — сказала Ирена, — приходите. И расскажите нам все, что узнаете интересного!

Ну, конечно, матчи. Но матчи все увидят по телевидению: и читатели «Костра», и Ирена Маркович, и главный редактор...

А может быть, самое интересное — это те мелкие факты, о которых можно узнать, находясь на чемпионате. Например,

что канадские хоккеисты теряют за игру около трех килограммов веса,

что самый большой счет был зафиксирован в самом незаметном матче третьей группы: Италия выиграла у Южной Африки 17:0,

что шведский студент Эверт специально привез свою невесту Берит в Любляну, чтобы сразу после свадьбы поехать на игру своей любимой команды,

что самому длительному наказанию — удалению на 10 минут — подвергся польский игрок Коморский за грубость по отношению к судье,

что самые вкусные хоккеисты продаются на Прешерновой улице — из чистого шоколада!

Нет, наверное, все же самое интересное не это.

А что же?

Самое интересное — узнать,

ЭТО НЕ ТАК-ТО ПРОСТО

Узнать самое интересное! То же самое приказал мне главный редактор, отправляя меня в Югославию. О том же просили друзья. А что самое интересное на хоккейном чемпионате?

Любляна — хоккейная

что думают о судьбах мирового хоккея вершители этих судеб, представители сильнейших в мире команд.

„ХОТИМ ДАТЬ БОЙ!“

Для профессионалов хоккей — работа. У них больше времени для тренировок, чем у любителей, потому и мастерство у них должно быть выше. Как артисты, они получают деньги за свои выступления.

И болельщики у профессионального хоккея особые. Толстосумы хотят, чтобы за их денежки им пощекотали нервы, чтобы трещали кости и ручьями лилась кровь.

Вот в такой обстановке и выработался особый тип спортсмена — профессиональный хоккеист. Замечательные мастера своего дела, профессионалы в то же время привыкли к игре без правил и поэтому играть против них не только трудно, но и опасно. И все же...

Вот что рассказали тренеры советской сборной Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов...

...Журналисты очень любят вопрос: с каким счетом могла бы закончиться встреча любительского чемпиона мира, команды СССР, и хорошей профессиональной команды. Светила профессионального хоккея до сих пор отвечали на этот вопрос так: «СССР проиграет с разницей в 15-20 шайб». После наших выступлений прошлой зимой в США и Канаде подобные ответы стали скромнее.

И вот мы в виде опыта решили сразиться с профессионалами.

«Как будем играть, — спрашивают у нас представители профессиональной команды, — по вашим правилам или по нашим?» Отвечаем: «По вашим, то есть без всяких правил и ограничений...» Перед игрой объяснили нашим ребятам, что на время им придется забыть многое из того, чему их учили, и, главное, показать, что русские умеют дать сдачи. После первого периода подходят к нам руководители команды противника: «По каким правилам будем продолжать игру?» — спрашивают. Мы отвечаем: «В чем дело? Вы чем-то недовольны? Давайте продолжать, как начали». Они в ответ: «Нет уж. Нам наши игроки еще пригодятся. Давайте уж лучше по любительским...»

Мы проиграли с разницей в две шайбы. Но опыт считаем удачным. Во-первых, две шайбы это не 15-20. А главное, наши ребята, которых хотели запугать, своей мужественной игрой сами нагнали страху на соперников.

Мы хотим встречи на высшем уровне с профессионалами. Пока что на наши предложения профессионалы уже трижды отвечали отказом.

А. В. Тарасов (справа) ведет тренировку

Мы хотим встретиться и победить и доказать, что советским хоккеистам одинаково свойственно и высокое мастерство и характер настоящих бойцов!

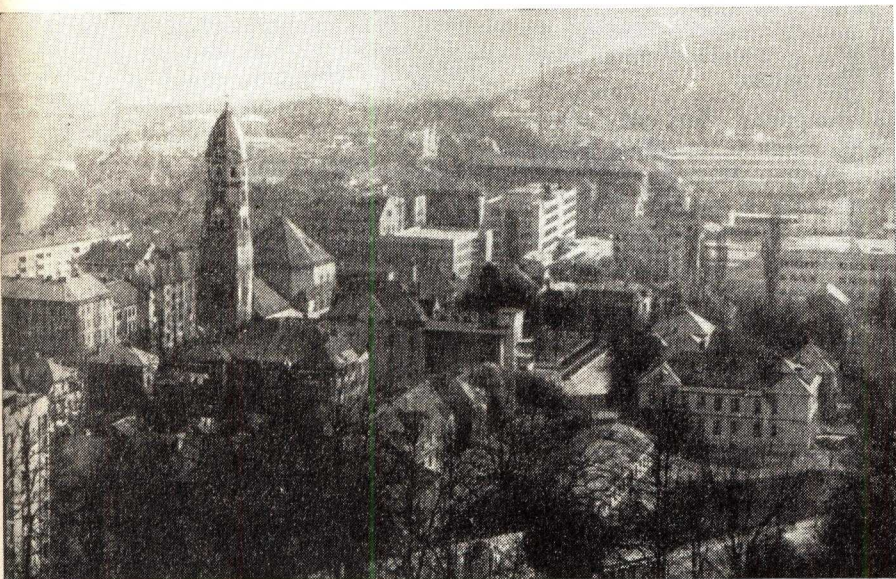
ПЛАНЫ ВАЦЛАВА

Не знаю, как вы, а я еще со времен Тампере считаю Вацлава Недоманского самым интересным игроком «серебряной» чехословацкой команды. Поэтому, приехав в Любляну, я поспешил навестить его.

Вацлав выучил в школе русский язык — говорить с ним легко и приятно.

На льду Недоманский — один из самых грозных наших противников, а до и после игры — горячий поклонник советского хоккея. Что больше всего нравится ему в наших хоккеистах, что отличает советский стиль от остальных? Вацлав отвечает: разносторонняя подготовка спортсменов. У большинства хоккейных звезд на Западе есть какая-то своя сильная сторона, свой «конек» — скорость, умение организовывать атаку, физическая мощь. Игроки советской сборной обладают всеми этими качествами вместе. Даже самые молодые.

Недоманский молод. Ему 21 год. Он тоже мечтает о том, чтобы любительский хоккей померялся силами с профес-

столица 1966 года

Битва на льду

сиональным. И вот что собирается сделать сам.

— Как только кончу учебу, — говорит Вацлав, — уеду на два года в Канаду. Меня уже несколько раз приглашали в лучшие профессиональные клубы. Думаю, что такая двухгодичная тренировка пригодится мне в будущем, когда и мы, чехи, бросим вызов канадским профессионалам.

НЕ ТОЛЬКО МОЛИТВАМИ

В гостиницу «Габор», где жили канадские хоккеисты, я пришел не совсем удачно — команда собиралась обедать. За одним из столиков я сразу увидел священника Бауэра, руководителя команды. К моему удивлению, Бауэр не прочел традиционной молитвы перед обедом. Позднее, когда я познакомился поближе с жизнью канадских хоккеистов, я убедился, что слухи о их чуть ли не ежеминутных молитвах, мягко говоря, сильно преувеличены. Почему Бауэр стал священником, не знаю. Но прежде всего, это отличный специалист и воспитатель, в прошлом неплохой хоккеист, и его сломанный нос свидетельствует, что на поле он не отличался христианским смирением.

— Мне кажется, — сказал Бауэр, — что наши чехословацкие друзья совершают ошибку, копируя стиль игры и тренировки советской команды. Копия всегда хуже оригинала и, идя по такому пути, они вечно будут вторыми. Каждая команда должна иметь свой характер. Мы у себя на родине привыкли к резкой, грубоватой игре. Хоккей не балет на льду. Что касается тактики, то наша тактика в том, чтобы разгадывать тактические схемы наших соперников и разрушать их. Про нас, канадцев, говорят, что мы рождаемся с коньками на ногах. Действительно, Канада — страна тысяч катков, и наши мальчишки с самого раннего возраста гоняют шайбу. Несколько лет подряд мы вводим в команду молодых игроков. Я думаю, что к зимней олимпиаде в Гренобле, в 1968 году, мы будем иметь полностью молодежную команду. Тогда мы сможем поспорить и с прославленными советскими мастерами.

Я попросил Бауэра познакомить меня с лучшим вратарем мира — Мартином. Ведь до сих пор я видел Мартина только в защитной маске, поэтому узнать его в толпе заполнивших холл хоккеистов было мудрено. Бауэр подвел меня к высокому человеку в строгом сером костюме.

— Сет, с тобой хочет поговорить корреспондент детского журнала из России.

Хоккей часто называют рыцарской игрой. Звание рыцаря подходит Мартину как нельзя

более удачно. Его лицо иссечено шрамами — следами тех отчаянных сражений, когда и маска не очень-то помогает (напомню, что Мартин играл и в профессиональных командах).

Я сказал Мартину, что такого богатыря, как он, ни один капитан «наших дворовых команд» не поставил бы в ворота. Почему-то наши ребята все стремятся в защитники и в нападающие, и роль вратаря всегда достается тому, кто слабее подготовлен.

Мартин улыбнулся.

— Напишите в вашем журнале, что те, кого ставят в ворота, должны считать, что им повезло. Нет в хоккее более трудных и интересных обязанностей, чем обязанности вратаря. У вратаря, который серьезно относится к своему делу, вырабатывается и сила, и мгновенная реакция — главные хоккейные качества. Но самое важное, что отличает вратаря от остальных — это закаленный характер, воля. Сейчас все играют в хоккей неплохо, и нет «сухих» вратарей. Поэтому необычайно важно научиться оставаться хладнокровным в самой напряженной схватке. Бывает, получил вратарь две-три шайбы и «сломался», пропускает одну за другой «Закаляй волю!» — девиз настоящего вратаря.

„ШАЙБУ“ ИЛИ ...?

Что бы ни происходило на поле, мы с вами кричим: «Шайбу! Шайбу!» Хоккеисты привыкли к этому кличу и воспринимают его только как свидетельство, что, мол, имеются на стадионе свои болельщики. Почему бы не придумать несколько ритмичных и звучных кличей для разных случаев хоккейной жизни, чтобы можно было и подбодрить игроков, и призвать их к бдительности, и пожуричь за расслабленность, если надо.

Подумайте об этом, ребята, и напишите нам в «Костер». Лучшие кличи мы напечатаем, а их авторов наградим хоккейными сувенирами.

Люблина — Ленинград

Мост за пять часов

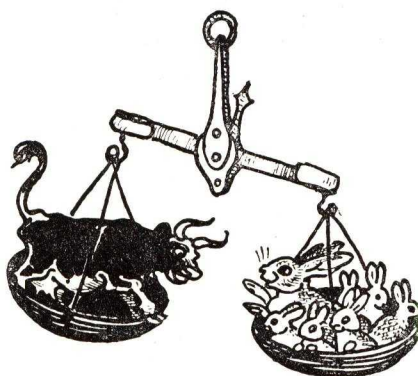
Японская литейная фирма изготавливает стальные мосты, которые можно собрать — смонтировать — из деталей за пять часов. Мосты не одинаковы по длине и ширине, но способны выдерживать многотонный груз.

Двоюродный брат зайца

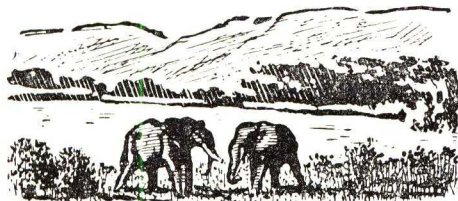
Знаете ли вы, что крольчиха перевешивает корову? Конечно, не сама, а со всем своим потомством

Однажды дикие кролики чуть не съели... целый материк. Когда их впервые поселили в Австралии, они стали размножаться с потрясающей быстротой: хищников не было, опасаться было некого. Очень скоро кроликов развелось столько, что овцам стала грозить голодная смерть. Пастбища спасли от уничтожения, когда привезли хорьков и кунниц.

Озеро по сезону

Африканское озеро Чад бывает то большим, то маленьким. В пору дождей оно достигает 50000 квадратных

метров, во время засухи его площадь сокращается до 11 тысяч. Постоянной остается только глубина озера — около 12 метров.

Путешествие пилюли

Вместо обычной таблетки больному предлагают проглотить ампулу величиной с фасоль... И начинается путешествие радиопилюли к желудку. В ампуле заключена крохотная радиостанция. Она может работать на батарейке трое суток, за это время врач

успеет определить характер болезни. Приемное устройство на его столе получает сигналы станции уже в первые секунды путешествия.

Рисунки И. Ризнича

В честь дирижабля

Белый медведь с ледяного торола смотрит на ледокол и дирижабль, вторгшиеся в его владения. Он нарисован на марке, выпущенной в СССР. Летом 1931 года в арктические районы на дирижабле отправилась научная экспедиция, в которой участвовали и советские работники. В Ленинграде погрузили мешки с почтой, чтобы на Земле Франца-Иосифа передать ее на борт нашего ледокола. С ледокола дирижабль должен был принять корреспонденцию, доставленную морским путем.

Почтовый обмен, произведенный в самом сердце Арктики, доказал, что дирижабль — надежный воздушный транспорт.

„Хитрость“ колибри

Южные змеи очень чувствительны к изменению внешней температуры. Это помогает им охотиться ночью. Большое ланомство для змей — колибри. Но — редкое: колибри умеет защищаться от врага. Засыпая, птичка-малютка как бы «включает» терморегулятор. Температура ее тела понижается до температуры воздуха, и змея не «видит» добычи.

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

КОЛЛЕКЦИОНЕР СЛОВ

коллекционер слов *

* вернэ : Пётр Велосипедов : / пройт

Вы, конечно, знаете писателя Льва Васильевича Успенского как автора книг «Слово о словах» и «Пулковский меридиан».

А ваши мамы и папы в детстве, наверное, зачитывались «Купином» и с нетерпением ждали очередного номера «Костра», чтобы пережить новую серию удивительных приключений профессора Бабера и его друзей.

Лев Васильевич — один из старейших авторов «Костра». Его очерки и рассказы печатались уже в первый год издания журнала, публиковались и в военные годы. Блестящий рассказчик, хитроумный выдумщик — его занимают лингвистика и археология, ботаника и зоология, авиация и военная наука; и обо всем этом Лев Васильевич умеет интересно рассказать в своих книгах.

Здесь, в клубе Паганеля, Лев Васильевич говорит о своей богатейшей коллекции слов-названий, которую он собирает и над которой работает всю свою жизнь.

Рисунки С. Острова

Если бы Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель посетил мое жилище, я угостил бы его без размышлений тем, чем богат...

Я подвел бы его к ряду приятного вида шкафчиков, стоящих на простых столах неподалеку от моего письменного. Очень милые шкафчики, на шесть длинных ящиков каждый. Сделав учтивый жест приглашения, я оставил бы его наедине с этими ящиками. В крайнем случае, я сказал бы ему такие слова:

— Господин доктор! (уж, наверное, он давно доктор наук!) Наш общий друг, мсье Жюль Габриэль Верн, разгласил по свету, что вы, помимо прочего, — член географического общества в Петербурге... Я уверен, что русский язык поэтому вам хоть отчасти знаком. А раз так — мое сокровище в вашем распоряжении. Я оставляю вас. Надеюсь, что вы не соскучитесь с ним...

Могу поручиться: вернись я через час или через сутки, я стал бы знаменитого географа у моих шкафчиков. Он выдвигал и задвигал бы ящики, ставил бы набор отдельные карточки, груда выписок росла бы и росла возле него на столе... Он был бы взволнован. Он смеялся бы и восклицал: «Да, да!» Он был бы счастлив.

Что же содержится в моих шкафах? Я держу в них слова. Какие? Разные. Сколько? Начнем с этого вопроса.

Каждое пойманное мною слово прикреплено к восьмушке обычного писчего листа. Эти восьмушки, скажем проще — карточки, стоят в ящиках друг за дружкой на ребре. На каждом сантиметре длины сорокапятисантиметрового ящика их умещается около ста. В ящике — 4500. В шестиящичном шкафу — 27000. А шкафчиков у меня не один...

Какие слова я собираю, за-

чем они нужны и мне и другим людям? И почему Жак Паганель должен так заинтересоваться ими?

Вместо того чтобы втолковывать все шаг за шагом, лучше я расскажу вам несколько историй. Одни из них я узнал, так сказать, исповедуя плененные мною слова. Другие случились при охоте за ними.

„ВЕРН“

Секретаря Парижского Географического Общества пустил гулять по свету удивительный француз Жюль Верн. Уже из одной только сыновней признательности мсье Паганель должен живо интересоваться: что означает фамилия его отца и творца. Как знатоку многих языков это не может быть ему безразлично.

А как географ он не мог не знать, что у людей с фамилиями, начинающимися на «Верн», тезок, пожалуй, боль-

ше не среди других людей, а среди городов и селений Франции. Таких, как Верне, Верней, Верневиль... Первый городишко лежит у испанской границы на юге, последний — в Лотарингии, на самом северо-востоке Франции.

В то же время, как языковед, он должен твердо знать: ни один рядовой француз не объяснит вам, от какого слова все эти людские и географические имена произошли на свет, каково их значение. Нет таких слов во французском словаре: нет, и все тут.

Они имеются в моей картотеке, эти слова-названия. Они стоят, как в строю, и возглашают славу ученым-ономатологам, специалистам по именам собственным.

Ученые отлично видели: слов, родственных этим, во французском языке нет. Но, изучая географические названия, заметили: как только слово «верн», так вокруг селения либо ольховые заросли, либо настоящий ольховый лес. Чтонибудь ольховое...

Странно: «ольха» по-французски «ольн», причем же тут «верн»?

В языке древних предков французского народа, мужественных галлов, ольха звалась «верно». Слово это не дошло до нас. Как звалось неважное дерево ольха — все забыли.

Но ученые-языковеды воскресили его из небытия как

раз при помощи изучения географических названий Франции. Тогда стало ясно: Верневиль это — Ольхоград, Верне и Верней — малые французские Ольховатки, а фамилия Жюля Верна может быть переведена как ОЛЬХИН.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Я веселюсь и ликую, поместив новое слово в клетку моих шкафчиков: словам у меня хорошо! Но нет ничего грустнее, как, поймав такую дивную золотую рыбку, упустить ее, не успев закрепить на бумажке-карточке. Это — беда, ужас! Попробуйте ту же самую рыбку поймать в океане языка вторично...

Такие печальные истории со мной случались.

В одной древнерусской грамоте я наткнулся на удивительную вещь. Это была за-

продажная грамота на землю, «купчая крепость», как их потом звали. Написана она была в начале XVII века, и в качестве свидетеля вместе с другими ее подписал «дьяконъ Петръ Велосипедовъ». Дьякон по фамилии Велосипедов — в XVII веке, когда сам велосипед люди изобрели только двести лет спустя?! Как это возможно?!

Я подозревал как. Хитроумный дьяк звался по-простецки, по-русски: Бегунов или Быстроногов. Но по-латыни «быстроногий» будет «велоси-

пес», в родительном падеже «велосипедис». Он и стал, для пущего форса, Велосипедовым. Стал же немец Кремер (лавочник) известным географом Меркатором, — по той же латыни — «торговцем»...

Я с восторгом выписал такую редкость, принес выписку домой, положил на стол, показывал, радуясь и гордясь, всем знакомым. Я не сделал одного: не занес ее на карточку и не поставил в свой шкафчик. Я думал, успеется.

Если у вас есть словарь, найдите в нем сейчас же слово «успеется» и вырежьте его с мясом ножницами, чтобы никогда его не произносить. Губительное слово!

Ничто не удалось. Началась война. Я ушел на фронт. Во время блокады сожгли в печах, чтобы согреться, все мои бумаги, в том числе и записную тетрадь... Приехав с фронта домой, я нигде не мог выяснить — в каком издании древних рукописей или в какой неизданной рукописи повстречался я с моим дьяконом Велосипедовым... Рассказать про него я могу, а показать — не могу. И весь свет вправе не поверить мне, как не верил он профессору Челленджеру насчет открытого им «Затерянного мира», пока тому не удалось доставить в Лондон живого птеродактиля. А мой птеродактиль-имя улетел...

СЕЛ В ЛУЖУ...

Кто? С вашего разрешения — я. Сам собиратель картотеки.

В ленинградской телефонной книжке за 1951 год я наткнулся на двойную фамилию. Двойных фамилий много. Мы привыкли, что они чаще всего бывали дворянскими, аристократическими: Войтович-Штоквич, Бельский-Белинский, Абамелек-Лазаревы... А тут вдруг:

ПРОЛЕТ-ИВАНОВ! Не смешно ли?

Иванов — самая что ни на есть недворянская, чисто народная фамилия. Поручить-

ся можно, что каждый Иванов — либо из крестьян, либо из рабочих. А «пролет», по-видимому, означает «пролетарский», как в слове ПРОЛЕТ-КУЛЬТ — «Пролетарская культура»...

Если бы человек носил фа-

милию Сумароков или Оболенский — можно было бы понять, что он задумал указать: не воображайте — я не из князей или графов. Я — Пролет-Оболенский. Ну, а уж носителю фамилии Иванов такие предосторожности не к лицу. И без того всем ясно, что князьями и графами тут не пахнет...

Так расшифровал я эту фамилию, и так и написал про нее в моей книжке «Ты и твоё имя», в разделе, посвященном двойным фамилиям. Мол — вот какой чудак мне попался!

Написал и попал впросак. Получаю письмо от читателя, лично знавшего этого самого Г. И. Пролет-Иванова. И этот товарищ, Н. И. Гогин, сообщает мне, откуда пошло слово «Пролет», откуда оно на самом деле взялось. Оказывается, это вовсе не «пролет». Это «пролёт». Г. И. Иванов в своей до-

революционной молодости был революционером — подпольщиком, редкостным ловкачом, умевшим по поручению партии проникать в самые труднодоступные места, выходить из наиболее сложных положений. Сперва его ласково одобряли: «Ну и пролёт!» Потом это «Пролёт» стало его партийной кличкой. А после революции он попросил разрешения (и оно было ему дано) носить впредь двойную фамилию: Пролёт-Иванов.

Я в тот же день поставил новую карточку на старое место. Когда «Ты и твоё имя» выйдет новым изданием, я обязательно исправлю свой промах. А товарищу Н. И. Гогину я благодарен навсегда: он помог мне найти точное объяснение еще одному любопытному явлению ономастики — русского именословия.

...Холмс положил передо мной и Ватсоном новенькую записную книжку, простенькую, с тисненными башенками Собора Парижской богоматери на обложке.

— Это, — сказал Холмс, — мне передал официант портового ресторана, после того как я облазил весь Гавр от шпилей до мостовых свай... Паганель — а официант узнал его — выронил книжку из кармана, когда расплачивался за обед. По словам официанта, Паганель очень спешил и в эту книжку три раза, заметьте — три раза! — заглядывал во время обеда, явно боясь куда-то опоздать.

Итак, перед нами лежала записная книжка Жака Паганеля, совсем новенькая, только на первых шести страничках были записи. И ка-

кие! Мы долго пытались постичь их скрытый смысл, но он так и остался для нас не ясен. Может быть, у Жака Паганеля были причины стремиться к тому, чтобы его не поняли? Судите сами. На первой странице:

«Наконец-то я побываю в этой стране. Между прочим, кого я ни спрашиваю, никто из моих коллег не может указать мне точно, где находится мыс Африка, а я, возможно, увижу его...»

На второй странице:

«С этими псевдонима-

ми вечно путаешься. Гильом, наш архивариус, подшутил надо мной. Он спросил меня, читал ли я Самюэля Клементса и Уильяма Сиднея Портера... Я честно сознался, что нет. Когда он сказал мне, в чем дело, мы долго смеялись...»

На третьей:

«...пролив этот назвали именем человека весьма сомнительной репутации. Впрочем, надо отдать ему должное: он вторым после Магеллана совершил кругосветное путешествие и познакомил Европу с картофелем...»

ЛОНДОН. От нашего соб. корр.

На четвертой:

«У жирафа длина языка почти полметра, тем не менее... (запись явно не окончена!)»

На пятой:

«Век живи — век учись. Только сегодня узнал, какие птицы использовались в Древнем Риме вместо голубей для пересылки писем. Да и летают они гораздо быстрее».

Уголок шестой страницы был загнут, а запись — самая лаконичная: «Лермонтов, 17.05».

И больше ничего.

ОТ ПРЕСС-БЮРО КЛУБА ЖАКА ПАГАНЕЛЯ:

«Не успели мы дочитать эту корреспонденцию, как из Лондона поступила срочная телеграмма: «Ленинград «Костер» читателям ваши соображения относительно записной книжки Паганеля крайне необходимы».

СЛУШАЙТЕ РАДИОЖУРНАЛ „КОСТЕР“

Н. Теребинская

— Говорит Ленинград! Слушайте радиожурнал «Костер» для пионеров и школьников.

1942 год. Ленинград осажден. У его стен враги. А по пустынным улицам разносится бодрый голос «Костра» — уличные репродукторы теперь не выключаются.

Радиожурнал «Костер» возник в феврале 1942 года. Время тяжелое — в редкой семье нет человека, погибшего при бомбежке или

Полгода назад в этой огромной комнате на шестом этаже было всегдалюдно и шумно. Теперь же множество столов пустует — их хозяйка сражаются или эвакуировались в другие города. Посетители редки. Встречаю одного единственного редактора Н. А. Ходза — хорошо известного вам писателя. Другой — в стационаре, так назывались тогда лечебные учреждения, где истощенные люди восстанавливали свои силы.

На улицах Ленинграда зимой 1942 года

при обстреле или умершего от голода. Стужа. Что ни день — то пожары. Истощенные люди в ведрах и чайниках тащат воду от разборных кранов на улице — водопровод и канализация не работают. Жизнь в городе, кажется, вот-вот замрет. К этому времени из всей редакции «Костра» в Ленинграде осталось нас трое — технический редактор, курьер и я — заместитель редактора несуществующего журнала.

Детиздат законсервирован — закрыт до лучших времен. Без электроэнергии остановились типографии. Что делать?

Но сохранился богатый запас рукописей «Костра» — его редакционный портфель... Так нельзя ли передавать его по радио? Такое решение и было принято горкомом комсомола. И вот я в редакции детского вещания Радиокomiteта — одного из немногих учреждений, где в войну ни на день не останавливалась кипучая деятельность.

Рабочий день начинался расчисткой снега во дворе или разбором соседнего разбомбленного дома. Участвовали все — хористы, оркестранты, чтецы, редакторы, режиссеры. Только после полудня мы все принимались за свои собственные дела.

И все же каждый четверг, в 15 часов 00 минут, диктор объявлял передачу «Костра».

В студии будто и нет войны. Разве что на передачу люди приходят в ватниках или меховых жилетках военного покроя. Здесь ярко горят электрические лампы и даже тепло. Светло и тепло даже в трескучие морозы, когда уцелевшие жилые дома промерзали до основания, когда ленинградцы освещали свое жилье чуть теплящимся светом коптилки. Радиоаппаратура не мирилась с холодом.

Шумы войны — разрывы снарядов, лай зениток, вой сирены (а мы так ненавидим этот зловещий сигнал) не проникают сюда.

Часто мы и не подозреваем здесь, что в городе уже объявлена тревога, что вместо голоса диктора или актера там, на улицах, мерно постукивает метроном. В студии все идет своим чередом, но передают наш журнал только в эфир.

Передача «Костра» длится сорок минут. Но сделать эти двадцать страниц текста гораздо сложнее, нежели отобрать двести страниц для довоенного номера.

Как и всякому журналу, радио-Костру нужны были повести с продолжением, сказки, стихи и обязательно рассказы о том, как борются советские люди с фашистами, как каждый на своем месте помогает делу победы.

Поэтому к микрофону «Костра» приглашают людей самых разных профессий и специальностей. Сегодня это тимуровцы, завтра — участник боев с гитлеровцами, или юный ремесленник завода, или оператор кинохроники, ведущий съемку на улицах осажденного города.

Сложно, очень сложно приходилось с авторами. Сегодня писатель или журналист в редакции беседует с нами. Но кто поручится, что он представит свою рукопись в назначенный им срок? Может помешать тревога, когда трамвай — единственный транспорт осажденного города — останавливаются, а пешеходам и пассажирам предлагается укрыться в убежищах. А ведь тревога может длиться и час, и три, и больше.

Кроме того, большинство авторов — военные, а они по своему усмотрению не всегда могли распоряжаться своим временем.

Договорились мы, например, с писателем С. И. Хмельницким, что он напишет для радио-Костра фантастическую повесть «Невидимка». Действительно, мы получили начало повести. Но дальше работать писатель не мог — его призвали в армию. Продолжить повесть взялся писатель В. П. Воеводин, но и он не смог завершить ее — срочно эвакуировался в тыл. Дописывал повесть уже третий писатель — С. М. Полоцкий. Так «Невидимка» стала повестью трех авторов.

И все-таки «Костер» жил. И голос его слышался не только в Ленинграде, но и далеко на Большой земле. Об этом говорили письма. Вот с северного фронта отозвались писатели И. Бражнин и В. Беляев. Вот неожиданная встреча в редакции, у нас дорогие гости — медицинские сестры — писательница Л. Будогоская и редактор Детиздата В. Яковлева, поэсса Н. Дилакторская — военный журналист.

И так с каждой новой передачей — новые, такие же радостные встречи.

Радио-Костер передавался около двух лет. Но уже к осени 1942 года было возобновлено издание печатного «Костра». И он во многом был обязан своему радиособрату — к этому времени наладилась связь с нашими авторами и накопилось немало рукописей, интересных для печатного журнала.

...Однажды зимою 1943 года все в ту же редакцию детского вещания попал один из номеров «Пионерской правды». Это было событием — не так уж часто эта газета просачивалась сквозь вражеское кольцо, окружавшее город.

К нашему удивлению и нашей радости «Пионерка» перепечатала коротенький забавный рассказ Г. Алехина «Немец поневоле», указав, что он был опубликован еще в 1942 году в «Костре».

Кроме того, сообщалось, что в Ленинграде издается, несмотря ни на что, детский журнал «Костер».

Вот эта заметка о «Костре» и развеселила нас больше, чем приключения горе-солдата в рассказе Г. Алехина.

Развеселила потому, что на Большой земле, как тогда говорили, плохо представляли себе, как живут и работают ленинградцы.

Говорилось, например, что сотрудники, прежде чем начать писать, отогревают на спиртовке замерзшие чернила, и заодно — коченеющие пальцы.

Никаких спиртовок ни у кого и в помине не было и не могло быть, потому что не было спирта. Да и надобности в этом тоже не было.

Небольшая железная печь-временка худо ли хорошо, но обогревала нашу редакцию, в которой в это время приютилось уже одиннадцать человек.

Было другое, чего, видимо, не представляли на Большой земле. Это постоянная угроза обстрела или бомбежки, это постоянное беспокойство за близких.

Мы могли выйти из Радиокomiteта втроем, а вернуться только вдвоем. Так однажды шальным осколком был смертельно ранен наш спутник — художник В. Николаев.

Вот почему, когда кто-либо из нас задерживался в пути, остальные волновались. Мы оставались на чеку, даже когда метроном молчал — подсознательно ждали сигнала тревоги...

И не было большей радости, когда после отбоя тревоги человек возвращался. Пусть обсыпанный штукатуркой, истомленный долгим ожиданием в убежище. Но живой...

И все же передачи продолжались, «Костер» выходил.

Приключения Макара и Кости

Отряхиваясь, друзья вышли на ленинградский берег. Макар с удивлением рассматривал незнакомые здания, а КОСТЯ хитро улыбался.

КОСТЯ нарочно повел Макара по новым улицам. „Ага! — воскликнул Макар. — Я понял: это — Париж! Вот Эйфелева башня!“, — он указал на телевизионную вышку.

Улицы вокруг редакции были загромождены толпами поздравляющих. С огромным трудом пробрались КОСТЯ и Макар к дверям редакции. Их костюмы были в самом плачевном состоянии. Но Макар нашел выход из положения.

Появление путешественников на юбилее было встречено громом аплодисментов.

Конец

Марчелло Арджилли

Рисунки Г. Ковенчука

Итальянский писатель Марчелло Арджилли принадлежит к тому поколению, которое выросло при фашизме. Марчелло посещал фашистскую школу, читал фашистские книги. В шесть лет, подобно всем итальянским детям, он надел на себя фашистскую форму. Спустя два-три года ему дали в руки игрушечное ружье и научили выполнять приказы: смирно, вольно, на плечо и так далее. Детям внушали, что «Муссолини всегда прав», что молодежь должна «верить, повиноваться, сражаться». В то время антифашистская организация в Риме находилась в подполье, и Марчелло даже не подозревал о ее существовании.

После войны коммунистическая партия Италии стала легальной. Марчелло начал читать демократическую антифашистскую прессу и обнаружил, что до двадцати лет он жил с закрытыми глазами, словно слепой. Марчелло заинтересовался учением Маркса и скоро понял, что нельзя быть марксистом, не будучи активным борцом. С тех пор он непрерывно работал в детской печати, в журнале «Пионер», а затем стал ответственным редактором газеты «Пионер».

Перу Марчелло Арджилли принадлежит много книг для детей. В Советском Союзе на русском языке были опубликованы «Приключения Гвоздика» (книга написана совместно с писательницей Габриэлой Парка), «Пионеры из Валлескуры», «Ватага из Сан-Лоренцо», «Сказки наших дней». Повесть «Ватага из Сан-Лоренцо» и сказки Марчелло Арджилли были напечатаны в нашем журнале. Вот еще одна его сказка.

Подталкиваемый десятком мужчин в рабочих комбинезонах, реактивный самолет выплыл из ангара и заскользил по взлетной дорожке аэродрома торжественно, словно журавль на трех ногах. Самолет был новеньким, с иголки, с красной заостренной мордой, а его точеные крылья и фюзеляж отливали серебром.

Мужчины в комбинезонах подкатали самолет к трибуне, украшенной ярко-красным бархатом, на которой было полно народу, и исчезли.

Оставшись один посреди дорожки, реактивный самолет, подобно птице, пробуждающейся к жизни, размял крылья, зевнул и посмотрел на небо.

От радости дрожь пробежала по всему его металлическому телу: бесконечно-синее небо с серыми тучами, похожими на воздушные шарики, звало его к себе шепотом ветра.

«Лечу!» — хотел было воскликнуть трепещущий реактивный самолет в ответ на призыв родной стихии. Но в ту же минуту на трибуне встал какой-то толстопузый синьор с длинной бородой и, обращаясь к нарядно разодетой толпе, сказал:

— Принцы, принцессы, князья, генералы, долгожданный момент настал! Этот великолепный реактивный самолет, конструктором которого я, Супер-Министр Воздуха, имею честь быть, сейчас совершит свой первый полет. Взгляните: до сих пор никто еще не создавал самолета столь нарядного, столь мощного, столь совершенного!

От этих комплиментов смущенный самолет попытался спрятать мотор под крыло, и его мордочка стала еще краснее.

— Взгляните на него! — повторил Супер-Министр Воздуха. — Он может напасть на врага со скоростью три тысячи километров в час, выпуская в минуту сотню пушечных залпов и тысячу выстрелов из автомата. Кроме того, он может лететь с атомной бомбой, способной разрушить целый город. Это изумительно смертоносный самолет! Таких самолетов мы построим сотни, тысячи, мы затмим небо грозной воздушной армией и станем хозяевами мира!

Члены правительства на трибуне восторженно захлопали в ладоши. Но на сей раз реактивный самолет не покраснел, он в ужасе задрожал

и пропала вся его радость, все его мечты о воздухе. Конечно, ему хотелось летать, но теперь он понял, что на небе, где сверкают солнце и звезды, его крылья будут блестеть, словно коса смерти.

Однако не успел он открыть рта, как какой-то генерал сошел с трибуны, надел на себя шлем и, отвесив поклон Супер-Министру и зрителям, одним прыжком занял место пилота.

— О'кэй, — сказал он и взялся за рычаг.

Самолет почувствовал, как сразу защекоotalo у него в животе — в том месте, которое люди называют кабиной, и вдруг оказалось, что он взлетел. Подобно тому, как птица подгибает лапы, самолет инстинктивно подобрал свои три колеса, а его острая морда со свистом врезалась

зу же во всех механизмах самолета, словно эхо, прозвучали слова Супер-Министра Воздуха: «Бомбить, стрелять, убивать». Вот для чего он был построен, — чтобы летать, как хищная птица.

Несчастному самолету показалось, что на него в ужасе смотрят все его предки. Он представил себе дедушку и прадедушку — аэростат и воздушный шар, своих неказистых родителей с двойным крылом и пропеллером, вспомнил своего пузатого добродушного дядю — дирижабль — всех уважаемых членов семьи аэропланов, которые жили для блага людей. Правда, среди родственников были и выродки — вероломные, мрачные военные самолеты, которые разрушили множество городов, но если паршивые овцы

в воздух. Он летел стрелой, раскинув крылья, по бескрайнему небу, и ветер пронизывал дрожью все его тело от носа до хвоста.

Лететь было чудесно. Завывая от радости, самолет, дитя неба, устремлялся все выше и выше, и земля стала уже далекой, крохотной, неразличимой. Он казался себе летящей звездой, и небо было его безграничным царством: нет, какое счастье, что он родился самолетом!

Вдруг резкий толчок вернул его к действительности: генерал, дернув за рычаг, приказывал планировать. Опьянение полетом исчезло, и сра-

встречаются иногда в семье, не с них следует брать пример.

— Я не хочу быть таким, как они! — воскликнул несчастный самолет. — Я хочу жить, как мои деды и прадеды, как мои родители, которые летали через Атлантический океан, перевоза почту и пассажиров! Я честный самолет!

Благородные мечты, теснясь, гудели у него в моторе: как хорошо возить письма, парить над полюсами, фотографировать землю, доставлять больных из далеких деревень в большие городские больницы, перевозить артистов, чтобы

они могли развлекать публику на всем земном шаре, переправлять рождественские подарки из Азии в Америку и поздравительные открытки из Африки в Австралию.

— Вот что я хочу делать! — крикнул самолет. — Для этого я создан. — От злости и горя он неистово замахал крыльями. Но тотчас же на элеронах вспыхнули гневные сигналы генерала.

— Зачем мне такой пилот, как ты! — возмутился самолет. — Мне нужен пилот хороший, добрый, который бы понял меня.

Он еще энергичней тряхнул крыльями, несмотря на сильную боль, — генерал пустил в ход все рычаги, чтобы его усмирить. Но самолет, словно разгоряченная лошадка, понесся галопом, лягаясь и взбрыкивая, а генерал-пилот трясся в кабине и стучался головой о стенки.

Вдруг кабина распахнулась и оттуда вылетел какой-то бесформенный сверток. Самолет посмотрел вниз и увидел генерала, который, болтая ногами от страха, спускался на парашюте.

Наконец-то самолет был свободен! Он задрал нос вверх, и шум реактивного мотора превратился в музыку. Подобно ребенку, фантазирующему с открытыми глазами, самолет вмиг представил себе, как он выполняет тысячи полезных дел, о которых он мечтал. На нем установили пушки и автоматы для ведения войны? А он мечтал разносить призывы к миру. Генералы хотели, чтобы он сбрасывал бомбы на города? А он мечтал сбрасывать на города приветственные листовки. Счастливый, самолет кружил, как вольная птица, он разрезал маленькие облачка, висящие в небе, и пролетал под радугой, которая сияла в голубом небе, словно триумфальная арка.

Но вот его голова отяжелела от мотора, он почувствовал слабость, — ведь рычаги управления бездействовали.

Утратив скорость, самолет летел носом вниз. Он падал. Земля становилась все ближе и ближе. Красные точки среди зелени полей различались все более отчетливо. Самолет уже видел красные дома, окна домов, занавески на окнах.

— Умираю, умираю, — прошептал самолет. Он только что родил-

ся и хотел жить, летать, повидать все небо, и вот — приходится умирать.

«Это они во всем виноваты! — подумал самолет, вспомнив спесивых синьоров, которые стояли на трибуне. — Это они сделали меня военным самолетом!» Огромным усилием воли он отклонился от курса, чтобы не обрушиться на маленькую деревушку, и быстро, как метеор, понесся к трибуне аэропорта.

Он увидел, как по земле кубарем покатались сабли и каски, развевались полы парадных мундиров, — все господа удирали с трибуны, словно трусливые зайцы. Ему стало смешно. Теперь он был так близко от земли, что различил даже былинки. Потом он услышал грохот удара и больше не понял ничего.

Изумительный реактивный самолет превратился в груды искривленных листов железа, из которой торчали два обломка крыла.

Когда Супер-Министр Воздуха, с бородой, заляпанной грязью, вылез из канавы, куда спрятался от страха, он очутился перед персоной еще более важной, чем он сам: Супер-Министром Воздуха, Моря и Земли.

— Как вам не стыдно! — закричал в бешенстве тот. — Нечего сказать, хороший самолет вы построили! Я не потерплю!..

От этого крика к самолету вернулось сознание: ведь дыхание жизни еще жужжало в его разбитом моторе. Оглушенный самолет заметил, что множество людей собралось посмотреть на него, и различил детский голосок. Какой-то мальчик сказал мужчине в рабочем комбинезоне:

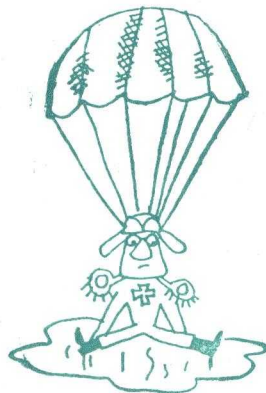
— Жалко, что самолет упал, он был такой красивый. Как бы мне хотелось, папа, иметь такой самолет, чтобы летать и увидеть мир.

Мужчина улыбнулся.

— Наверное, твоя мечта осуществится, — сказал он. — Так должно быть. Ведь прогресс в том и состоит, чтобы создавать машины, которые бы помогали людям и делали жизнь прекрасной.

Подобно умирающему орленку, самолет попытался поднять поломанные крылья, радуясь тому, что кто-то, наконец, понял его мечты. Но крылья упали, и жизнь покинула его.

Перевела с итальянского
Т. Скуй

БЕД В КАРМАНЕ

Н. Неуймина, Л. Пожидаева

Рисунки А. Инуса

В одном кармане — суп, в другом — каша с мясом, в третьем — кисель. Не прольется, не испортится. Потому что это обед сухой — из концентратов.

Такие кирпичики можно взять с собой в дальнюю дорогу — они легкие и вполне заменяют картошку, мясо и ягоды.

Уже более ста лет назад индейцы Северной Америки знали секрет концентрата. Они сушили мясо, толкли его, добавляли растопленный жир и ягодный сок. Эту смесь они называли пеммиканом. Он подолгу не портился, его брали с собой в плетеных корзинах на охоту и на войну.

В конце прошлого века без пеммикана не отправлялась во льды ни одна полярная экспедиция. Его стали выпускать заводы в огромном количестве.

Прошло время. Пеммикан стал праредущим концентратом, о которых и пойдет речь.

СУП НА ЭКЗАМЕНЕ

Двадцать два человека за длинным столом в кабинете главного технолога. Перед каждым дымится чашечка супа.

— Пробуйте, пожалуйста...

Что происходит? Собираются обедать?

В одной руке у человека ложка, в другой — лист. Разлинованный, как страница классного журнала. Внизу написано: «Оценку производить по пятибалльной системе». И первокласснику ясно, чем это грозит...

Технолог объявляет: «Суп овощной. С мясом. Перца столько-то. Петрушки — столько-то». Все в граммах и деся-

тых долях грамма. Потом цифры напишут на обертке концентрата, если суп выдержит экзамен.

Раздаются первые голоса.

— Все хорошо, только соли маловато, — говорит повар детского сада.

— А по-моему, не соли, а перца, — возражает продавец гастронома.

— Суп наваристый, аромат у супа хороший, только вот зелень петрушки пересушена. Так нельзя! — вмешивается санитарный врач.

На вкус на цвет товарища нет. Каждый поставит свою отметку. А технолог соберет листки, увидит все отметки, и судьба супа решится.

Гости разведутся. Хозяева вернуться в цех. Работа продолжается.

ГДЕ ВАРИТСЯ КАША?

Вкусная каша — пшеничная. Особенно с мясом. Взял бы да сварил, но уж очень долго варится. Другое дело — концентрат. И поэтому комбинат тысячам мам экономит время.

Не только ко вкусу и виду каши придираются на комбинате, готовя концентраты.

Когда крупа приезжает на комбинат, ее встречают тоже придиристые люди. Нет ли в ней ниток, соринки или чего-нибудь другого, что в кашу не годится.

Высыпают крупу из мешка в «трясо-сито». Перетрясет ее сто раз, а потом еще в желоб с электромагнитом — пожалуйста. Если есть в крупе металлическая пылинка, — прилипнет к магниту намертво. А работника в конце смены сотрет пылинки щеточкой и выбросит. И все-таки крупа еще недостаточно чистая. Ведь дома ее

обязательно моют. Значит, и здесь надо.

В барабане ходуном ходит винт с лопастями. Механические руки так отмоют крупу, что ни чешуйки, ни пылинки не останется.

В другом барабане жарко, как в печи. Здесь кашу сварят. Не совсем, конечно, а наполовину, чтобы можно было доварить дома. У каждой крупы — свое время варки, поэтому на видном месте в цехе висят часы.

Варится крупа и разбухает, набирает в себя воду, которая потом опять окажется не нужна. Прежде чем стать концентратом, крупа пойдёт в сушилку. В сушилке она проведет несколько часов.

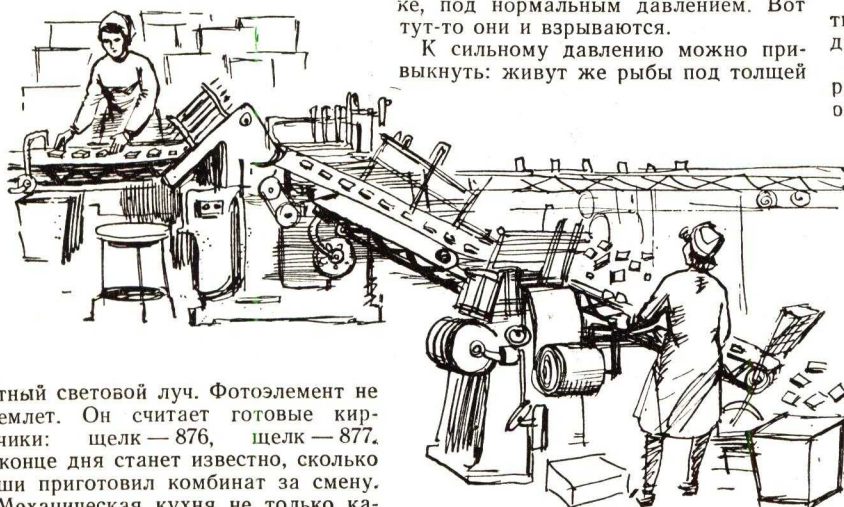
Все, что нужно для хорошей каши, — и подсушенную крупу, и мясо, и жир, и соль высыпают в котел. Заполнили котел до верха и включили лопасти. Неумоимо, равномерно заходили они вверх и вниз. Перемешают все 100 килограм-

мов. Как следует. И всего за пять минут.

Перемешано? Пора под пресс. По виду он напоминает карусель. Только вместо коней и мотоциклов едут на карусели одинаковые квадратные формочки. Придавит пресс формочкой, словно крышечкой, и из крупинки смеси готов брикет. Кубарем сыплются на ленту транспортера готовые кирпичики и едут к заверточному автомату. Никакие человеческие руки так быстро и ловко не завернут брикет. А механические подхватят, обожмут со всех сторон, обернут сначала пергаментной «рубашкой», потом — нарядной этикеткой. Мазнут по краям клеем, прихлопнут: не рассыпайся!

Перед тем как попасть в руки укладчицы, брикет пересекает неза-

метный световой луч. Фотоэлемент не дремлет. Он считает готовые кирпичики: шелк — 876, шелк — 877. В конце дня станет известно, сколько каши приготовил комбинат за смену.

Механическая кухня не только каши варит. И супы. И кисели — черничный, вишневый и клюквенный. Дома или в походе не придется мыть и перебирать крупу и ягоды, чистить картошку и морковку. Залили кирпичик кипятком, поварили, сколько требуется, и — на стол. Обед на пятерку. Совет дегустаторов строг: с тройкой и двойкой за ворота комбината не выпустит...

КУКУРУЗНЫЙ ПОЛИГОН

Есть на комбинате участок, который никто иначе не называет. «Поли-

гон» да и только. Входим. Стоят пушки. Толстоствольные, тупоносые. Появились они в цеху, когда придумали «стрелять рис» и «стрелять кукурузу», чтобы получать воздушные кукурузу и рис, кукурузные хрустящие палочки.

Рядом с пушкой хлопот пушкар. Только пушкари здесь женщины, работа им по силам. Поднесет пушкар газовый факел к горелке, лизнет тоненький язычок пламени горелку, началась работа. В наглухо закупоренном стволе пушки пересыпается влажный рис. Душно, жарко ему в пушке. Давление постепенно поднимается. Вот стрелка дрогнула и стала против цифры 10. Десять атмосфер.

В этот момент пушка стреляет с грохотом и дымом, оправдывая свое название. И — в единый миг зерна оказываются в нормальной обстановке, под нормальным давлением. Вот тут-то они и взрываются.

К сильному давлению можно привыкнуть: живут же рыбы под толщей

океанской воды. Однако для них оказаться наверху — гибель. Давление изнутри становится сильнее наружного, разрывает несчастную рыбу. И крепкие, как орехи, кукурузные зерна тоже разрывает. По точной технологии и по намеченному производственному плану...

Со второго этажа на третий сыплются по широкому желобу воздушные зерна, сбрызнут их маслом, обваляют в сахарной пудре и — готово. Пробуйте, это тоже изделие комби-

ната пищевых концентратов. И с супом вкусно, и с молоком, и с киселем. Кому как понравится.

ПОЧЕМУ ВСЕ ТАК ВКУСНО?

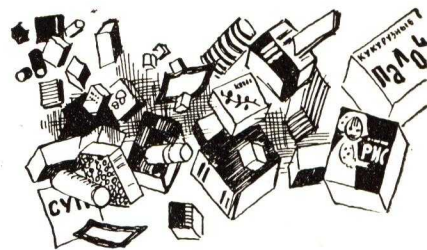
Толковые они, эти машины-автоматы. Хорошо помогают. Но в том-то и дело, что именно помогают людям.

С «умом», бесперебойно и четко работают машины только потому, что о них постоянно заботятся. Но этой заботы мало.

...Представьте себе. Купили две мамы одинаковые брикеты — грибной суп и кашу с мясом. А обеда вышли разные: один вкусный, а другой — не очень. Видно, сварить суп из брикета тоже уметь надо.

А чтоб всегда и все получалось вкусно, устраивают работники комбината дни открытых дверей на своем производстве. Домой к тем, кому нужен совет, ездят, кому можно помочь прямо у плиты, на кухне.

Любят свой комбинат люди, хотят облегчить труд ваших мам: вот и стараются, вот и выдумывают...

БОЙ НА РИСОВОМ ПОЛЕ

Мурад Мамедов

С чего началась эта история? Скорее всего, с моего отпуска. С отпуска, который я проводил на родине, в Баку.

В Бакинский музей истории я попал в тот час, когда посетителей почти не было. Я медленно переходил от витрины к витрине, не спеша рассматривал каждый экспонат, читал тексты.

На одной из стен мое внимание привлекла старая надгробная плита с витиеватой арабской вязью. Вот что я прочел: «Плита с могилы Хаджи-Мурада Аварского, на-иба Шамиля».

...Да, Хаджи-Мурат, знакомый нам по известной повести Толстого, был реальным человеком, во плоти и крови. Толстой не выдумал его, а только рассказал о его жизни. И рассказал очень талантливо, а главное, очень правдиво.

Толстой работал над своей повестью восемь лет. Восемь лет лежала на его столе любимая им рукопись. Он называл ее своим «десертом», своим «сладким».

Толстой исправлял и перекладывал «Хаджи-Мурата» 169 раз! 169 раз — но так и не считал повесть законченной!

Итак, в Бакинском музее я увидел могильную плиту. Я пришел в Институт истории, и вот что рассказал мне археолог Мамед Али Гусейнов.

Археологическая экспедиция работала в Северном Азербайджане, в районе города Нухи. Археологов интересовали старые заброшенные кладбища с позеленевшими от лишайника древними надгробиями. Они разыскивали затерянные склепы, захоронения, которых так много возле древних городов Азербайджана.

Мамед Али остановил ехавшего по дороге пожилого крестьянина и стал расспрашивать его о старых могилах. Выслушав вопрос археолога, старик понимающе кивнул.

«...Его широко расставленные глаза внимательно, пронизательно и спокойно смотрели в глаза другим людям».

Иллюстрации художника Е. Лансере к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»

— Если свернете налево, по дороге к селению Кыпчак есть одна святая могила...

— Почему святая? — спросил Мамед Али.

Старик улыбнулся:

— Болота кругом, малярные места... Вот и ходят на поклонение к этой могиле старые женщины. Говорят, помогает от малярии, — старик усмехнулся, — похоронен там смелый джигит — дедушка Хаджи-Мурат...

Возле самого селения, в густой заросли орешника разыскал Мамед Али могилу «дедушки Хаджи-Мурата».

Перед реставрацией памятника археологи вскрыли могилу. Очень осторожно вынимали грунт, стараясь ничего не повредить. И увидели скелет.

А черепа в могиле не было.

Мамед Али не удивлялся этому. Он помнил повесть Толстого, последние ее строки: «Гаджи Ага наступил ногой на спину тела Хаджи-Мурата и с двух ударов отсек голову...» А потом эту голову возили по селениям и выставляли напоказ.

Хаджи-Мурад был наибом, приближенным Шамиля, но дружбы между ними никогда не было. Шамиль собирался передать свое имамство по наследству сыну. Узнав об этом, Хаджи-Мурад сказал: «...Вопрос об имамстве решит тот, у кого сабля острее...»

С этого момента началась открытая вражда между ними. Хаджи-Мурад перешел к русским, надеясь мстить Шамилю, а русские заподозрили в нем шпиона имама. И для Хаджи-Мурата не было пути. Он оказался между двумя деспотами — царем и Шамилем. Ему оставалось только сражаться, сражаться против всех.

В горах, в плену у Шамиля, находилась семья Хаджи-Мурата. Русские предложили обменять ее на пленных горцев. Шамиль отверг это предложение: «...Мало того, — писал он Хаджи-Мурату, — мало того, что ты сам сделался гяуром, предавшись добровольно русским, ты еще хочешь, чтобы дети твои... тоже сделались бы такими же гяурами... Вот почему я решительно отказываю в твоей просьбе... Кроме того, возвещаю тебе мою волю, что

я жене твоей велел выйти замуж, считая брак с тобой прекратившимся...»

Это письмо имама толкнуло Хаджи-Мурада на отчаянный шаг. Он решил бежать в горы, вызволять семью. Вместе со

«Впереди всех ехал на белогривом коне... человек внушительного вида».

своими четырьмя нукерами он помчался в горы, по дороге из Нухи.

Путь в горы лежал направо. Но, решив запутать погоню, Хаджи-Мурад свернул налево к реке. Толстой подробно пишет об этом:

«...Рисовое поле, через которое надо было ехать... было только что залито водой и превратилось в трясину, в которой... вязли лошади... они бились так долго, что начало смеркаться, а они все еще не доехали до реки. Влево был островок с распутившимися листиками кустов, и Хаджи-Мурат решил въехать в эти кусты...»

Там его и окружили преследователи. Бой был страшным

и долгим. Наступающих было более трехсот человек. Товарищей Хаджи-Мурада ранили, двух из них убили. Сам он был ранен четырежды и все же продолжал драться. Там же, возле старой канавы, Хаджи-Мурад упал, подкошенный пулями, когда пошел на врагов с кинжалом.

Убитого раздели, ограбили, бросили в яму и закидали землей.

Вернувшись из отпуска в Ленинград, я надолго засел в Публичной библиотеке. Прежде всего я проник в недра каталогов и выбрал все, что было связано с повестью Толстого. Таких работ оказалось более десятка. Там же, в каталожных ящиках, я отобрал с десятка работ по истории кавказских войн и все отдельные издания «Хаджи-Мурата». Отдельных изданий повести обнаружилось более сорока.

Я засиживался в библиотеке до поздней ночи. И каждая прочитанная страница раскрывала мне нечто новое.

Я читал материалы, которыми пользовался Толстой для написания «Хаджи-Мурата». Это были выпуски журнала «Русская старина» за 1881 год, заметки в «Русском инвалиде» за 1852 год, выпуски журнала «Военный сборник» за 1870 год и много других воспоминаний и мемуаров участников кавказских войн.

Я перечитывал страницы всех этих книг, не выпуская из рук толстовской повести. И всякий раз мне хотелось проверить — а как у Толстого? «...Проскакав еще... верст пять-шесть, — вспоминал в своих мемуарах Зиссерман, — Хаджи-Мурат, в виду аула Беляджик, бросился в сторону от дороги по направлению к Алазани...» То же самое прочел я и в толстовской повести.

«... Был приглашен к обеду и Хаджи-Мурат, — вспоминала жена уездного начальника

генерала Карганова, — для него были заказаны татарские кушанья. Но он ни до чего не дотронулся, опасаясь, быть может, отравы. Заметив это, муж первый начал есть с его блюда. Тогда и Хаджи-Мурат,

«... Кулившийся душистым кизячным дымом чеченский немирной аул...»

повернув блюдо к себе той же стороной, откуда начал муж, тоже стал есть...» Прочтя это место, я тотчас вспомнил, что Толстой перенес этот случай в дом князя Воронцова.

Так по крупицам находил я снова то, что было уже найдено Толстым, находил то, из чего складывались яркие страницы повести.

И вот добрался я, наконец, до писем князя Воронцова военному министру князю Чернышеву. Толстой знал об этих письмах. В повести одно из них приведено почти дословно. Это письмо от 20 декабря 1851 года. Но я прочел еще два письма Воронцова, от 25 апреля и 1 мая 1852 года.

Помню, в тот вечер я перечитал особенно много. Нашел запись того же Зиссермана: «... Голова была выставлена в Тифлисе в течение нескольких дней для любопытных, а мест-

ный художник Коррадини снял с нее портрет...» Начал разыскивать портрет работы Коррадини. Нашел. Все намеченные на вечер дела были вроде бы решены.

Чтение писем Воронцова я собирался отложить на следующую неделю. Почитать их внимательно, на свежую голову. Но не утерпел, начал читать. И несколько строчек, всего несколько фраз открыли еще одно звено в цепи этой истории.

Вот что я прочел: «...Сегодня, любезный князь, — началось письмо, — я посылаю вам дополнение касательно катастрофы Хаджи-Мурата...» Далее шел рассказ об убийстве, уже знакомый мне. Я пропустил это место и прочел дальше: «... между тем доктор Андреевский просил у меня позволения послать череп Хаджи-Мурата в Петербург...»

Череп был направлен в Петербург? Кто такой Андреевский? Что о нем можно прочесть? Может быть, у него есть свои воспоминания? Может быть, он сообщит еще какую-нибудь подробность?

Я разыскал воспоминания доктора Андреевского. «Сколько помнится, — писал Андреевский, — нам говорили, что голова Хаджи-Мурата была передана в один из наших Санкт-Петербургских музеев...» Что же еще? Может быть, я что-то пропустил? Начинаю читать все сначала: «...30 апреля доставлена из Закавказья голова... большое стечение народа в больницу, где голова, впрямь до отправления черепа в Петербург, останется в продолжение трех суток». И больше ничего...

И тогда вспомнил я профессора Михаила Михайловича Герасимова, доктора наук, выдающегося советского антрополога, того, который в результате многолетних исследований установил существова-

ние закономерности между строением костей черепа и строением мягких тканей лица.

— Вот, — думаю, — найти бы череп для Михаила Михайловича, он смог бы восстановить по нему портрет.

Легко сказать — найти череп Хаджи-Мурата! Где его искать? Задайте такой вопрос историкам, и они только пожмут плечами. Можно ли найти его теперь?

И я сомневался — можно ли? Но все же решил поискать!

Я искал упоминание о Хаджи-Мурате в музее Антропологии и в музее Литературы. Беседовал со многими сотрудниками музеев. Всем было очень интересно услышать историю о Хаджи-Мурате, но помочь мне никто ничем не мог.

Пришел я в Военно-Медицинский музей. Беседовал с сотрудниками, доказывал, убеждал. Посоветовали пойти в Военно-Медицинскую академию, может, там что-нибудь слышали о черепе. К кому обратиться? Назвали фамилию профессора Гинзбурга.

Профессор, выслушав меня, задумался. Пообещал посмотреть старые инвентарные книги, просил позвонить через несколько дней.

Несколько дней... Эти несколько дней мне показались вечностью. Наконец, пригласил меня профессор еще раз к себе.

Прихожу. Сидит Вульф Вениаминович Гинзбург и улыбается. Чувствую, что начинаю волноваться. А он, как нарочно, не спешит. Заговорил о погоде — дожди, мол, нынче всю зиму, что за зима... Спросил о том, что я пишу. Интересно ли профессия журналиста. Почему заинтересовался Хаджи-Муратом...

Отвечаю я на его вопросы вежливо, а сам думаю, — ну, что ты мне душу тянешь, говорил бы уж сразу — да или

нет. А он из-за стола поднялся и говорит:

— Да, нашел я кое-что в старых инвентарных книгах. Один прозектор по фамилии Шульц, бог весть в каком году, продал академическому музею два кавказских черепа. И, между прочим, один из них как будто тот, который вы ищете... Я вам сейчас покажу...

— Что, — спрашиваю, — инвентарные книги?

— Зачем же, — спокойно отвечает профессор, — череп покажу...

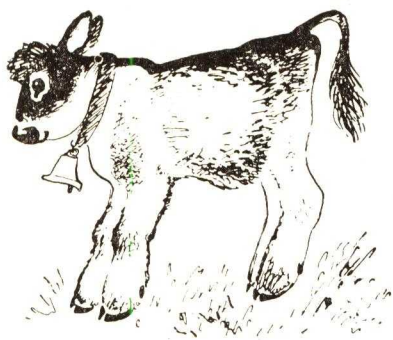
И вот он открывает шкаф и подает мне череп. Гляжу и глазам не верю — на лобной кости крупно, четкими буквами надпись «Хаджи-Мурат» по-русски и чуть пониже то же по-арабски: «Хаджи-Мурат».

Повернул я череп — все правильно — отсечена затылочная кость. Глянул снизу — тоже сходится — две зарубки на верхнем позвонке, отделена от тела с двух ударов...

Я плохо слушал, что говорил мне профессор Гинзбург, о том, как запутаны инвентарные книги и невозможно установить, откуда прибыл этот экспонат, о том, как он сам усомнился и как я его убедил... И что-то еще... Я не слушал его. Думал о другом. Жалел, что бакинские археологи, вскрывая могилу Хаджи-Мурата, не извлекли из могилы верхний позвонок, чтобы доказать его тождественность с позвонком черепа. Жалел, что череп так много лет пролежал на полке шкафа...

Вот, пожалуй, и вся история. Нет, не вся!

Сейчас череп Хаджи-Мурата в лаборатории профессора Герасимова. Михаил Михайлович уже заканчивает работу. И скоро нам доведется увидеть скульптурный портрет одного из вождей национально-освободительного движения на Кавказе.

КАК ЕГО НАЗОВУТ

Ребята колхоза „Заря“ помогают взрослым ухаживать за телятами. Они сами дают имена своим питомцам.

А у этого бычка до сих пор нет имени. Ребята говорят, что такому красавцу, такому здоровяку, такому силачу имя надо дать самое подходящее. А какое — не могут решить.

Пожалуйста, придумайте бычку имя и пришлите нам. Мы выберем самое лучшее, и колхозные ребята так и назовут своего бычка. А фамилию того, кто придумал самое лучшее имя, мы напечатаем в „Уголке“.

Рисунок Н. Чарушина

8

Уголок №5

Рисунок К. Савкевич

1

ПОЕДЕМ ЗА МОРЯ

По воде шумят колеса,
Взяли на борт якоря.
Будем, будем мы матросами,
Поедем за моря.

4

Будет с лентами фуражка,
Воротник с полоской
Да рубашка нараспашку —
Белая матроска.
Мама скажет: — Ты куда же,
Петенька мой славенький? —
— Оставайтесь, — Петя скажет, —
Уезжаю в плаванье.
Папа скажет: — Поезжай,
Поезжай, да не плошай!
Мой отец матросом был,
На «Авроре» он служил,
На «Авроре» он служил,
По дворцу из пушки бил!
До свиданья, — скажет папа
И проводит нас до трапа.
А в реке шумят колеса,
Поднимают якоря.
Будем, будем мы матросами,
Поедем за моря!

*Ольга Берггольц
Рисунок В. Бескаравайного*

5

ДВОРНЯГА

Вышла дворняга
под дождь из сарая.
Стала дворняга
сырая-сырая.

Долго дворняга
сушилась, вздыхая.
Стала дворняга
сухая-сухая.

Вышла дворняга
во двор из сарая,
снова дворняга
сырая-сырая.

И тяжело
рассказать на бумаге,
как не везло
этой бедной дворняге.

Н. Слепакова
Рисунок О. Земцова

2

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ

Как по-фински УГОЛЁК?
УГОЛЁК.

По-румынски УГОЛЁК?
УГОЛЁК.

По-английски УГОЛЁК?
УГОЛЁК.

И по-русски УГОЛЁК —
УГОЛЁК.

Как по-датски ВЕТЕРОК?
ВЕТЕРОК.

По-хорватски ВЕТЕРОК?
ВЕТЕРОК.

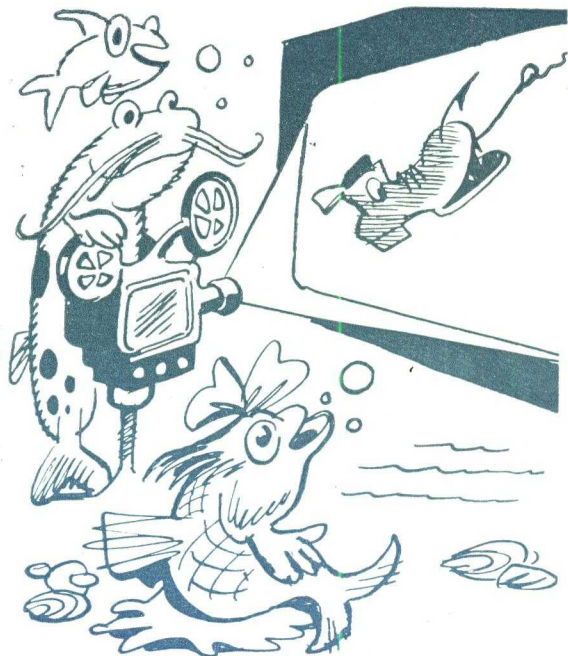
По-французски ВЕТЕРОК?
ВЕТЕРОК.

И по-русски ВЕТЕРОК —
ВЕТЕРОК.

Отведите нам в журнале уголок,
Напечатайте в журнале „УГОЛЁК“,
Что собачки ВЕТЕРОК и УГОЛЁК
На небесный забрались потолок!

Л. Виноградов

6

Ах, как приятно жить на дне,
в морской прохладной глубине!
Хотите посмотреть кино?
Тогда ныряйте к нам на дно!

Рисунок В. Гальбы

7

ЛИСА И ЕЖ

— Всем ты, Еж, хорош и пригож, да вот
колючки тебе не к лицу!

— А что, Лиса, я с колючками некрасивый,
что ли?

— Да не то чтобы некрасивый...

— Может, я с колючками неуклюжий?

— Да не то чтобы неуклюжий...

— Так какой же я с колючками-то?

— Да какой-то ты, брат, с ними несъедоб-
ный...

Н. Сладков
Рисунок И. Ризнича

3

ЗА ШАХМАТНЫМ СТОЛИКОМ „КОСТРА“

*Эти два интервью
состоялись перед самым матчем
Петросян — Спасский*

Т. Петросян

— Тигран Вартанович, что труднее — завоевать или удержать шахматную корону?

— И то и другое трудно, но второе сложнее. Попробуйте сами стать чемпионом мира, и вы сразу окажетесь лицом к лицу со смельчаками, готовыми отнять ваш титул.

— Как вы готовились к матчу?

— Особое внимание уделил физкультуре. Ведь шахматы требуют большой нагрузки — и нервной, и физической. Чтобы быть в форме, приходится заниматься общей физической подготовкой. Зимой я много времени провел на лыжах. Я рос на юге, и ходить на лыжах научился недавно, но очень полюбил этот спорт. А в настольный теннис играю давно и, кажется, добился в нем кое-каких успехов... В детстве я был читателем «Костра», сейчас выпиываю «Костер» для сына — пятиклассника Варта. Я знаю, что читатели часто спрашивают, какими качествами должен обладать шахматный чемпион. Отвечу: он должен быть физически крепким, теоретически подготовленным и, прежде всего, стойким, волевым, трудолюбивым.

Когда мы готовили этот номер в печать, имя нового чемпиона мира еще не было известно. Поэтому возьми карандаш и заполни пробел в поздравительной телеграмме «Костра».

Б. Спасский

— Борис Васильевич, где и когда вы сыграли вашу первую серьезную партию?

— В 1946 году, в ленинградском Парке культуры и отдыха. Мне было восемь лет. Играли «на вылет». Всех высаживал рыжий Вовка. Мне он сказал: «Играем на эскимо. И еще условие — проиграл, не реви». Вовка оказался сильнее меня в пешечном эндшпиле. Он первый провел ферзя, и... мне пришлось выполнять оба условия. Это была серьезная партия. Именно после нее я понял, что шахматы — мое призвание, независимо от того, проигрываю я или выигрываю.

— Вы были чемпионом мира среди юношей, не стоит ли разыгрывать первенство мира среди школьников?

— Удачная мысль. В 14-15 лет отчетливо проявляются способности шахматиста. Если удастся организовать такое первенство, оно выдвинет много талантливых игроков. Но, если такое первенство в ближайшее время и не будет устроено, юным шахматистам следует почаще участвовать в любых соревнованиях. Именно там крепнут будущие бойцы.

		 ТЕЛЕГРАММА			
Москва чемпиону мира					
ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПОБЕДОЙ				ТЧК	
Ура вскл			ЧИТАТЕЛИ КОСТРА		

Первенство

Ожесточенная борьба

— АЛЛО, ЛОНДОН? ГОВОРИТ «КОСТЕР», ЛЕНИНГРАД. Дайте, пожалуйста, гостиницу «Ройял гарден отель». Гостиница? Позовите, пожалуйста, председателя организационного комитета первенства мира по футболу мистера Стэнли Роуза.

— Вы не туда попали, сэр! Это старый «Ройял гарден отель». А комитет помещается в новой гостинице с тем же названием.

— Не подскажите телефон?

— Конечно. Кто сейчас в Англии не знает мистера Роуза! Позвоните PAR 4113. Привет России!

— Спасибо, сэр... PAR 4113?

— Стэнли Роуз у телефона.

— Мистер Роуз, читатели нашего журнала хотят узнать, где хранится сейчас Золотая богиня, высшая футбольная награда.

— Богиня ожидает своей участи в сейфе одного из лондонских банков. Не следует забывать, что она и в самом деле золотая. Но сейф надежный. Не по зубам никаким гангстерам. Открыть его смогут только одиннадцать человек вместе при том условии, что они будут лучшими футболистами мира, конечно.

Примечание.

Так ответил мистер Роуз накануне похищения Золотой богини. Как видите, даже председатель футбольного первенства мира может ошибиться.

— Для игр чемпионата выбраны мячи трех цветов: белый, желтый и оранжевый. Как будет выбираться цвет мяча для игры?

— На чемпионате 1966 года капитаны разыграют не только право первого удара и выбора ворот, но и право выбрать цвет мяча. Многие думают, что это имеет значение. Возможно, при выборе учтут цвет футболок, оттенок травы, погоду.

— Какая главная трудность стоит сегодня перед вами, мистер Роуз?

— Где и как разместить болельщиков. К нам приедут гости со всего света, а мест в гостиницах и на стадионах не так уж много... Я хотел бы сказать несколько слов читателям «Костра». Я желаю вам, чтобы советские футболисты приехали в Англию в хорошей спортивной форме. А уж дальнейшее зависит от них и от поддержки болельщиков.

— Спасибо, сэр. Гуд бай.

Мир Убе

— АЛЛО, МОСКВА? ГОВОРИТ «КОСТЕР». МОЖНО К ТЕЛЕФОНУ ВАЛЕРИЯ ВОРОНИНА? Валерий, как, по-вашему, все ли было сделано нашими ребятами для того, чтобы к началу лондонского чемпионата быть в хорошей спортивной форме?

— По-моему, команда с большой ответственностью готовилась к первенству мира. Товарищеские встречи мы провели с несколькими очень сильными соперниками. И ветераны сборной, и молодежь готовы к серьезным испытаниям.

Особенно большую роль в нашей подготовке к турниру сыграли оба наших турне по сильнейшим футбольным странам Южной Америки. Это была настоящая проверка, без скидок.

Мы, футболисты сборной, знаем, сколько у нас болельщиков. Среди них — миллионы ребят. Не буду заниматься прогнозами: игра есть игра. Скажу только от имени всех своих товарищей по команде: мы сделаем все, чтобы добиться успеха.

Нас обоих зовут Вилли, а лев Вилли, как вы знаете, эмблема чемпионата мира по футболу. Мы просим всех читателей «Костра» ответить на два вопроса.

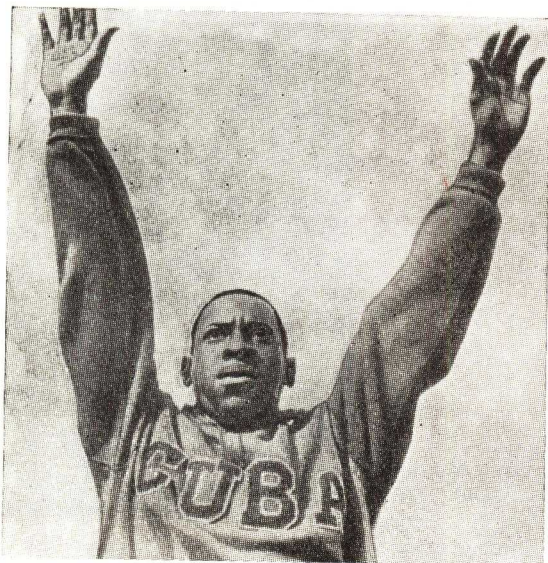
1. Как сложится судьба советской сборной на чемпионате?

2. Кто был лучшим игроком нашей сборной в Англии?

Чемпионат начнется в июле. Поэтому письмо с ответом на первый вопрос должно быть послано не позже 1 июля, а письмо с ответом на второй вопрос не позже трех дней после окончания чемпионата. Смотрите, не путайте!

На конверте к адресу «Костра» следует добавить «для Вилли». Один из нас отправится на постоянное жительство к тому из читателей, кто наиболее точно предскажет ход борьбы на чемпионате. Другой поедет к тому советскому футболисту, который соберет больше всего читательских голосов.

Быстрейший из быстрых, чемпион Американских игр и серебрянный призер Олимпиады Фигерола приветствует юных спринтеров.

ДОГОНЯЮ ЧЕМПИОНКУ

Пробиться сквозь плотное кольцо репортеров стоило немало труда. Но, оказавшись в самой гуще толпы, я понял, что старался зря. Вспышки магния, трескотня кинокамер и разноязычный гул ошеломили стоявшую в центре девушку с охапкой букетов и шиповками в руках.

Энтузиазм моих коллег не знал границ. Каждый непременно хотел первым получить интервью, сделать самый эффектный снимок олимпийской чемпионки. Еще бы, только что на киевском стадионе негритянская бегунья Вайомия Тайес финишировала с результатом, равным мировому рекорду! 100 метров — за 11,1 секунды!

Что же делать? Как в такой толчее задать победительнице хотя бы один вопрос?

И вдруг... Вайомия мягким, непринужденным шагом побежала вдоль бровки футбольного поля. И как-то незаметно оставила позади себя рой корреспондентов. Тут-то мне и сослужило добрую службу мое «спринтерское прошлое». Я, как, бывало, на школьных соревнованиях, пустился во весь дух вдогонку за чемпионкой. Трибуны весело зашумели. Тайес оглянулась и остановилась.

И вот я уже пожимаю ей руку:

— Поздравляю с рекордом! Соня Пирогова из Саратов и Таня Левченко из Днепропетровска просили передать вам привет!

— Большое спасибо! Но кто они такие?
— Юные легкоатлетки, ученицы школы «Спринт»!
— В вашей стране есть специальные школы для спринтеров?

— Да.

— И в них занимаются девочки?!

— Мы принимаем всех школьников.

— А в наших школах легкой атлетикой занимаются только мальчики. Я сама смогла начать тренировки, лишь поступив в университет.

— Тот самый, где училась Вилма Рудольф?

— О да, Вилма и Эдит!

— Эдит?

— Эдит Мак-Гуайр. Она тоже завоевала золотую медаль в Токио. Да вот и она сама.

Подбежавшая к нам стройная длинноногая девушка вскинула руку с тремя выставленными пальцами. Три единицы — 11,1 — догадался я.

Вот так встреча — сразу две олимпийских чемпионки!

— Сюда бы еще Боба Хейеса и Генри Карра, — пошутил я, припомнив имена негритянских спринтеров, завоевавших золотые награды в Токио.

Девушки помрачнели.

— Им уже не видать беговой дорожки, — огорченно заметила Эдит. — Их переманили футбольные боссы.

Им обещали тысячи долларов, горы долларов...

— Мы пришли на один из их матчей и слышали, как трещат кости наших друзей... Сегодня доллары, а завтра... — Вайомия смолкла.

— Но хватит о грустном, — спохватилась Эдит. — Сегодня такой радостный день!

— Автограф! Для юных спринтеров! — предложил я. Тотчас же в моем блокноте появилась надпись: «Русским детям. Вайомия Тайес».

Чемпионки, обгоняя друг друга и смеясь, побежали вдоль трибун. Я помахал им вслед двумя растопыренными пальцами. Это означало: жду нового рекорда — 11 секунд!

КИЕВ

Юрий Михайлов, спец. корр. «КОСТРА»

В 1965 году лучшей спортсменкой мира была признана польская бегунья Ирена КИРШЕНШТЕЙН. Она установила мировые рекорды на дистанциях 100 и 200 м и выиграла почти все соревнования, в которых участвовала.

ИЗ ВАРШАВЫ

Ко всем титулам и прозвищам я уже привыкла, но одно из них — «крылатая лань» — очень смешит меня, напоминая о школьных годах.

Пять лет назад я записалась одновременно в два школьных кружка — спортивный и художественного слова. И то и другое увлекало меня, но надо мной подшучивали.

— Охота тебе болтовней заниматься? Сммотри, сделают из тебя поугая! — посмеивались подружки-спортсменки.

— Как это можно позволить гонять себя по кругу? Что ты лошада? — не оставались в долгу любительницы декламации.

Как видите, и те и другие оказались недалеко от истины: теперь я — «крылатая лань»...

В Токио наша польская команда завоевала олимпийские золотые медали в эстафете 4 × 100 метров. Сейчас вместе с моей подругой и соперницей Эвой Клобуковской мы готовимся к очередной Олимпиаде. Когда мы выступали в Японии, нам было по 18 лет. Поэтому нас не удивит, если в Мехико мы повстречаем кого-либо из нынешних читателей «Костра».

Итак, до встречи на мексиканской земле!

Ирена Киршенштейн

ИЗ ГАВАНЫ

Когда находишься вдали от Родины, всякая весточка от друзей особенно дорога. Вот уже больше года как я перешла на тренерскую работу и передаю свой опыт кубинским спортсменам. Школа «Спринт» часто присылает мне письма от советских ребят.

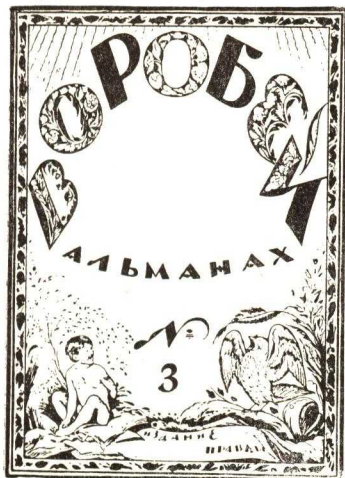
Особенно приятно было узнать, что в школу «Спринт» записались две мои тезки и однофамилицы: Галя Попова из города Перми и Галя Попова из села Черное Челябинской области. Мне бы очень хотелось, чтобы обе девочки не уронили чести нашей фамилии, чтобы они научились побеждать. Впрочем, этого же я желаю всем остальным ученикам школы: всегда и во всем быть первыми, бороться и побеждать!

А для этого надо тренироваться. Упорно. Планомерно. Задумал бежать, так нечего лежать, — говорит пословица.

Галина Попова,
заслуженный мастер спорта, чемпионка трех Спартакиад народов СССР, рекордсменка мира

Этих гостей привел
на юбилей «Костра»
веселый архивариус.

Это прадедушка
«Костра»

Беседу начал старейший — «Воробей».

— Первый май! Первый май! Веселись и гуляй! — сказал прадедушка молодым голосом. — Барабаны гудят! Трубы громко гремят! Полны улицы народа, густо, тесно, нет прохода.

Прадедушка пошелестел пожелтевшими страницами и продолжал:

— Помню, сорок два года назад Первого мая вышел я на улицу, вижу, ребята идут рядами, поют, трубят, флаги — красиво, весело — я с ними и пошел. Думаю, что же это они так веселятся, спросил. «Да мы пионеры! Мы за рабочих». «А если я брошу курить, мыться, там, стану, тогда что мне дадут? Или вот только что с барабаном ходить?» — А один мне и отвечает: «Кабы у нас ругаться можно было, сказал бы я тебе, что ты дурак. Ничего тебе не

Это дедушка
«Костра»

дадут, а дельным человеком станешь. Мало тебе?..» В походы ходили. С полной выкладкой. 20 верст. Мешок за плечи, в мешок одеяло, жестяную кружку да ложку — и больше ничего. Дождь свое, а мы — свое! Вот тебе лес, вот тебе земля. Ни крыши над головой, ни мамы — обед готовить...

— И пригодились выучка, — продолжил беседу дедушка. — Уж в мое, помню, время случилось в Ленинграде наводнение, так мои деткоры даже собрание свое не отменили. Все добрались до штаба и в полном составе помогли спастись людей из затопленных домов. Один, как сейчас вижу, из детского дома в пустой бочке выплывает и лопатой гребет!

Навспоминавшись всласть, старики стали преподносить юбиляру подарки. «Воробей» подарил самое первое стихотворение из самого первого своего номера. Хоть и старые стихи, а боевые!

Детский митинг

Дети, точно воробьи,
Собрались в стайку,
Где цветочки да ручьи,
Словом, на лужайке.
Ваня, старший из ребят,
Взобрался на камень
И гремит, глаза горят

ЁЖ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
№ 1
1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Это папа
«Костра»

Гнева огоньками:

— Кузьку-пекаря вчера
Розгой, да по голой.

Что ты скажешь, детвора,
Против произвола?

И несется детский хор,
Защищая Кузьку:

— Истязателям позор!

Розга — зло, — кричит деткор
Девочка Маруська.

«Новый Робинзон» подарил листок из своего старого корреспондентского блокнота. На этом листке он записал в 1925 году, кто что сказал, узнав о победе забастовавших шведских моряков над капиталистами.

ПОЛОТЕР. Ага, натерли!

СЛЕСАРЬ. Припаяли!

ДОКТОР. Прописали, будут поминать!

ИСТОПНИК. Поделом, нагрели!

ПОРТНОЙ. Здорово, вишили!

ПЕКАРЬ. Ай да молодцы! Впекли!

СТОЛЯР. Под орех разделили!

ПЕРЕПЛЕТЧИК. Ловко вклеили!

ИЗВОЗЧИК. Поездили, ну и довольны!

АКРОБАТ. Вот так кувырнули!

А «Еж» принес целую груду подарков — пять славных изобретений своего сотрудника Ивана Топорышкина: пуговицы с музыкой, неснимающиеся очки, железную почтовую марку, нескораемые папиросы и папочку с мотором (сама ездит за хозяином на колесиках).

Позавчера — из-под пера.
Вчера — вы грелись у „Костра“.
Потом сказали вам: „Пора!“
И книжек выросла гора.

В. Беляев

СТАРАЯ
КРЕПОСТЬ

В. Каверин. ДВА КАПИТАНА

Д. ПОГОДИН
ОЖИДАНИЕ

В. Голявкин
МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

Ю. Томин

ШЕЛ ПО ГОРОДУ
ВОЛШЕБНИК

Д. Родари
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЖЕЛЬСОМИНО

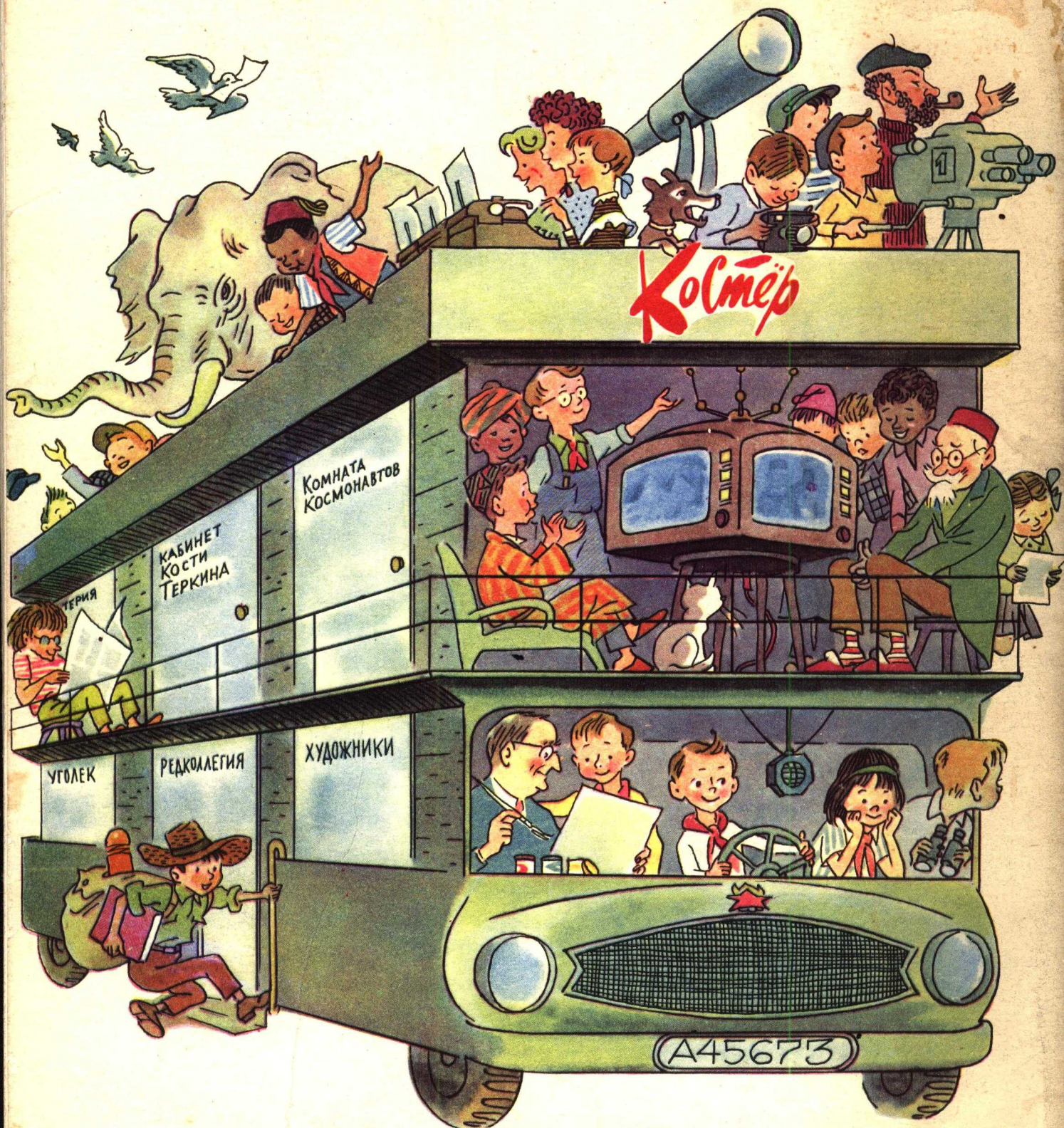
Л. Кассиль
БУДЬТЕ ГОТОВЫ,
ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Е. Шварц

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ
ВРЕМЕНИ

Автобус „Костер“ продолжает свой путь...
 Читатель, ты место занять не забудь!
 В любом направлении, без всякого риска!
 А вместо билета в кармане — подписка.

Редактор В. В. Торопыгин
 Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов,
 Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тереховская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский,
 Н. А. Ходза, Г. М. Чернышова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)
 Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий Технический редактор А. А. Дворовская
 Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76. Корректор В. А. Маевская
 М-08587. Подп. к печати 25/III 1966 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1. 6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Зак. № 24. Цена 25 к.
 Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
 Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.